

Памяти Д И Чижевского (1894—1977)
к 115-й годовщине со дня рождения
и 80-летию первой публикации статьи
«Шиллер и „Братья Карамазовы“»

Д И ЧИЖЕВСКИЙ

ШИЛЛЕР И «БРАТЬЯ КАРАМАЗОВЫ»*

Введение Д Чижевский о Шиллере и Достоевском

Тема «Шиллер в России» проходит через всю научную биографию Д И Чижевского (1894—1977). Он начал над ней работать еще во время учебы в Киевском университете в 1918—1919 годах¹. На праздновании 70-летия, отвечая на тост Ф Степуна, Чижевский сказал: «Приехав впервые 13 мая 1921 года в Гейдельберг, я составил список своих предполагаемых исследований. К настоящему времени почти все из него опубликовано. К сожалению, только о Шиллере в России (эта тема особенно интересовала меня тогда) я смог написать лишь фрагментарно. Виной тому — недостаток необходимой литературы в европейских библиотеках. Моя книга о Шеллинге у славян почти готова к печати. Кстати, „великими швабами“ я заинтересовался уже на родине»². Тем не менее «фрагменты» работы о Шиллере возникают

* Публикация и введение А В Тоичкиной, В В Янцена, перевод с немецкого языка С П Кравца, В В Янцена

¹ Неопубликованная дипломная работа Д И Чижевского в Киевском университете «К вопросу о философском развитии Шиллера» упоминается в одном из примечаний публикуемой здесь статьи «Шиллер и „Братья Карамазовы“» (в рукописи неосуществленного послевоенного переиздания статьи слова «К вопросу» были Чижевским в этом примечании перечеркнуты, поэтому его дипломная работа называлась, скорее всего, «О философском развитии Шиллера»). Текст ее считается в настоящее время утраченным. Вот что пишет Чижевский об этой работе в одном из своих автобиографических текстов: «Осенью 1919 года сдал заключительный государственный экзамен и получил диплом „первой степени“, моя кандидатская работа (приблизительно соответствующая немецкой докторской диссертации) была посвящена философскому развитию Шиллера (часть этой работы опубликована на немецком языке)» (см. *Чижевский Д И Избранное*. В 3 т. Т 1. Материалы к биографии (1894—1977) / Сост., вступ. ст. В Янцена. М., 2007. С. 47—48).

² *Gschardt D. Weimr aub W. Orbis scriptus. Dmitrij Tschizewskij zum 70. Geburtstag* / Hrg. H.-J. Winkel. Munchen, 1966. S. 26. См. также *Д И Чижевский Избранное*. Т 1. С. 467.

постоянно в трудах и докладах Чижевского Один из самых значимых и больших — статья «Шиллер и „Братья Карамазовы”», вышедшая на немецком языке в журнале «Zeitschrift für slavische Philologie» (1929 № 6/1—2 S 1—42) Окончательно она сложилась во время участия Чижевского в семинарии по изучению Достоевского при Русском народном университете в Праге, которым руководил А Л Бем Не случайно Бем упоминает о подготовке этой публикации в предисловии к первому выпуску сборника «О Достоевском»³ в ряду статей, возникших в ходе работы семинария Известно, что на семинарии Чижевский делал доклад «Шиллер и Достоевский»,⁴ который, видимо, и был положен в основу этой статьи

³ О Достоевском Сборник статей / Под ред А Л Бема Прага, 1929 Кн 1 С 5

⁴ О Достоевском Сборник статей / Под ред А Л Бема Прага, 1933 Кн 2 С 123 На эту тему Чижевский делал несколько докладов с варьирующимися названиями К сожалению, точная дата доклада «Шиллер и Достоевский» в литературе о семинарии по изучению Достоевского нигде не указывается Нет ее и в недавно опубликованных письмах Чижевского к Бему *Чижевский Д И Письма А Л Бему (1925—1932)* / Публ М Магидовой (Прага) и В Янцена (Галле) // *Rossica Научные исследования по русистике, украинистике и белорусистике* Прага, 2007 С 67—96 (А Л Бем Письмо Д И Чижевскому (1930)) Но примерную дату можно установить по упоминаниям доклада в переписке Чижевского с редактором его немецких статей Фердинандой Гоман, работавшей, вероятно, и над статьей «Шиллер и „Братья Карамазовы”» Так, в письме, датированном «февраль 1926 г», он пишет «Незадолго до Рождества я читал о „Гегеле и Ницше“, а несколько дней назад (курсив наш — А Т В Я) — о „Шиллере и Достоевском“ Я думаю, Вы будете так добры, несколько позднее просмотреть обе статьи в немецкой редакции» (см *Briefe von D I Tschizewskij an F Homann / Universitätsarchiv Heidelberg*) В письме от 8 марта 1927 г статья упоминается еще раз «Я решил, по возможности быстро, дописать все, что у меня уже наполовину или на две трети готово Таким образом, мне предстоит написать 26 (!) работ < > Сейчас перехожу ко второй серии, к которой относятся главным образом немецкие статьи, например, такие Шиллер и Достоевский (для «Logos»))» (см *Ibid*) Как известно, в немецком журнале «Logos» такая статья Чижевского не выходила Но примечательно, что в начале 1927 г тема статьи формулируется еще предельно широко, не концентрируясь пока на романе «Братья Карамазовы» Первое упоминание об изменении темы статьи и существовании ее русской редакции встречаем в письме к Чижевскому главного редактора чешского журнала «Slavia» М Мурко от 26 ноября 1927 г «Многоуважаемый г-н коллега! Я получил Ваши рукописи Статью „Реминисценции и мотивы Шиллера в «Братьях Карамазовых» Достоевского“ я пока прочел наполовину и думаю, что будет возможно ее напечатать, но мне неясны источники некоторых русских переводов Зайдите, пожалуйста, ко мне в семинарии в четверг или в пятницу после 2 ити в субботу после 5 часов, для того, чтобы поговорить об этом» (см *Literární archiv Památníku národního písemnictví v Praze Pozůstalost (fond) Slavia С рп 16 64*) И в журнале «Slavia» эта статья Чижевского не вышла В письме к Ф Гоман от 14 ноября 1927 г он мимоходом замечает «28-го должен читать доклад „Шиллер и „Братья Карамазовы”»» (*Ibid*), — правда, не уточняя в каком обществе Из литературы, однако, известно что 12 декабря 1927 г им был прочитан доклад о

Чижевский считал, что «для немцев и русских ту же мысль надо часто дать в различных формах выражения»⁵ Именно поэтому статьи и книги на одни и те же темы (как, скажем, книгу «Гегель в России», статьи о «Двойнике» Достоевского или о «Шинели» Гоголя) он издавал и на русском, и на немецком языках Эти издания являются скорее самостоятельными вариантами текстов, чем в собственном смысле переводами одних и тех же научных работ Статья «Шиллер и „Братья Карамазовы“» на русском языке Чижевским не публиковалась Правда, частично, в измененном виде, она вошла в статью «Шиллер в России», которая была опубликована на русском языке значительно позже⁶ Настоящая публикация — первый перевод на русский язык этой, ставшей уже классической работы Д И Чижевского⁷ Перевод сделан с первого издания В гейдельбергском архиве ученого сохранились подготовительные материалы к переизданию этой статьи в его несостоявшемся послевоенном сборнике работ о Достоевском, Гоголе и Тютчеве с существенными исправлениями и сокращениями⁸ Но в этой редакции была опущена весьма важная вступительная ме-

«Шиллер и „Братья Карамазовы“ Достоевского (Из истории русской шилле-рианы)» в Русском историческом обществе (см Хроника культурной, научной и общественной жизни русской эмиграции в Чехословацкой республике / Под общ ред Л Белошевой Прага, 2000 Т 1 С 283)

⁵ Чижевский Д Речь о Ф Степуне // Федор Степун Встречи / Сост С В Стахорского М, 1998 С 248

⁶ Чижевский Д Шиллер в России // Новый Журнал Нью-Йорк, 1956 Т 45 С 109—135 Немецкая редакция этой статьи издавалась дважды *Tschizewskij D Schiller in Rußland // Ruperto-Carola Mitteilungen der Freunde der Studentenschaft der Universitat Heidelberg* 1960 12 Jg, Bd 27 S 111—120, *Tschizewskij D Schiller in Rußland // Schiller Reden im Gedenkjahr 1959 Stuttgart*, 1961 S 346—367 В последней публикации сообщается, что она является резюме трех докладов, которые автор прочел в течение зимнего семестра 1959/60 г в Гейдельбергском, Тюбингенском и Боннском университетах (S 367) Рукопись этого доклада хранится в гейдельбергском архиве Чижевского под шифром «Heid Hs 3881 Abt B 281»

⁷ На украинском языке она вышла в 2005 г *Чижевський Д Філософські твори у чотирьох томах* Київ, 2005 Т 3 С 295—321 К сожалению, это издание, в котором впервые были переведены на украинский язык многие работы Чижевского, отличается большим количеством ошибок и непродуманностью эдизционных принципов См рецензию на это издание *Мних Р Wer wird nicht Süzevsky ehren?* Дмитро Чижевський Філософські твори У 4 т / Під заг ред В Лисового Т 1—4 Київ Смолоскип, 2005 // Украина модерна Стандарти науки і академічне середовище Київ, Львів, 2007 Ч 12 (1) С 229—238

⁸ Сведения о точном названии несостоявшегося сборника, в котором предполагалось переиздать статью «Шиллер и „Братья Карамазовы“», находим в немецкой статье Чижевского «Шиллер в России», вышедшей в 1961 г (*Tschizewskij D Schiller in Rußland // Schiller Reden im Gedenkjahr 1959 Stuttgart*, 1961) он должен был называться «Русские писатели» и выйти в Голландии в издательстве Мутона (S 367)

тодологическая часть работы, и поэтому она не могла быть взята за основу перевода.

При чтении статьи нельзя забывать о том, что ее писал не только литературовед, но и философ, и не только историк философии, а философ-теоретик, вслед за Гегелем рассматривавший историю литературы в качестве одной из областей проявления и развития мысли (по Гегелю — «духа»). Более того, во время работы над этой статьей Чижевский писал под научным руководством С. Л. Франка свою магистерскую диссертацию «О формализме в этике»,⁹ в которой, перерабатывая традиции немецкой и русской этической мысли, намеревался изложить собственную философскую систему, завершавшуюся анализом этических категорий в произведениях Достоевского. В этой системе предполагался синтез теоретико-познавательных, онтологических и этических проблем. Хотя работа над собственной философской системой Чижевским и не была завершена, огромная его заслуга состояла в том, что в своих статьях 1920—1930-х гг. он сумел вскрыть не лежавшую на поверхности связь между творчеством Достоевского и основными проблемами западноевропейской философии XIX—начала XX в. (Ф Шиллер, Ф Ницше, С Кьеркегор, Э Гуссерль, М. Шелер, М. Хайдеггер). С точки зрения литературоведения в этой статье Чижевским предложена и апробирована разработанная им методология исследования текста художественного произведения в контексте истории литературы, понимаемой как история духа. Он предлагает свое решение столь популярной в 10—20-е гг. XX в. про-

⁹ Не случайно статья Чижевского «К проблеме двойника» имела подзаголовок «(Из книги о формализме в этике)», т е из книги по материалам его философской магистерской диссертации (в немецкой версии статья имела еще более прозрачный подзаголовок «Опыт философской интерпретации»), а в кратком автореферате диссертации «Проблема формальной этики», зачитанном на заседании русского Философского общества в Праге 14 декабря 1927 г., Чижевский упоминает как ее часть не только работу о двойнике, но и статью «Шиллер и Достоевский» «Всякая рационалистическая формальная этика с неизбежностью ведет стоящего на ее почве субъекта этического действия к потере чувства ценности индивидуального бытия, да и к потере подлинной онтологической устойчивости самосознания. Отсюда — такое замечательное психологическое явление, как образ *двойника* в литературе XIX века (анализ идеи двойника у Достоевского — в моих статьях «Шиллер и Достоевский» — печатается — и «Проблема двойника у Достоевского» — готовится к печати)» (см *Янцен В* Русское философское общество в Праге по материалам архивов Д И Чижевского (Приложение *Чижевский Д И* Философское общество в Праге [1924—1927]) // *Исследования по истории русской мысли. Ежегодник 2004—2005* / Под ред М А Колерова, Н Плотникова М, 2007 С 190) Подробнее о магистерской диссертации и достоевсковедческих работах Чижевского см *Янцен В* Неизвестный Чижевский. Обзор неопубликованных трудов СПб 2008 С 69—78, 93—95, *Магидова М* Пражские сборники «О Достоевском» // *О Достоевском. Сб статей под редакцией А Л Бема* Прага, 1929—1933—1936 / Сост, вступ ст М Магидовой М, 2007 С 43—46, 163—171, 378—386

блемы «влияния». Далее он выдвигает и практически испытывает свой метод анализа художественного текста — метод «оркестральной полифонии».¹⁰ Разработанная и примененная ученым методология позволяет обозначить место великого романа Достоевского в контексте духовного развития европейской культуры, указать на его глубоко религиозный смысл.

В статье ученый впервые обозначил круг проблем творчества Достоевского, о которых он в той или иной мере будет писать в дальнейшем: о проблеме двойника у Достоевского, о Достоевском-психологе, о Э. Т. А. Гофмане и Достоевском, о критике просвещенства у Достоевского, о Страхове, Достоевском и Ницше и других. Чтобы читатель мог себе лучше представить место этой статьи среди достоевсковедческих работ Д. И. Чижевского, к комментарию прилагается библиография его трудов о Достоевском, охватывающая период с 1929-го по 1977 г. Библиография позволяет обозначить широту и масштабность осмысления Чижевским творчества Достоевского. Необходимо отметить и то, что большинство работ Чижевского о Достоевском на русский язык до сих пор не переведено.

Отдельного овещения заслуживали бы разного рода отклики на статью Чижевского «Шиллер и „Братья Карамазовы“» в немецкой, эмигрантской и советской литературе. К сожалению, имеющейся сейчас в нашем распоряжении информации по этому вопросу недостаточно для полноценного историко-научного экскурса. Но во всяком случае следует заметить, что статья «Шиллер и „Братья Карамазовы“» была одной из немногих работ, еще при жизни автора отмеченных в советской литературе.¹¹ С одобрением отзывался о ней Ф. А. Степун: «Кто из занимающихся русскими религиозными вопросами не задумывался да и не писал о признании Ивана Карамазова, что он не Бога отрицает, а лишь созданный им мир не принимает, почему и возвращает почтительно свой входной билет в него, но лишь Чижевский заметил, что такой же протест встречается и в стихотворении Шиллера „Resignation“. Как и Иван Карамазов, так и поэт Шиллера не принимает Божьего мира и с ужасом возвращает, правда, не Богу, но праматери Вечности нераспечатанным данное ему пись-

¹⁰ Понятие полифонии восходит к работам Вяч. Иванова (см. *Магомедова Д. М.* Полифония // *Поэтика. Словарь актуальных терминов и понятий*. М., 2008. С. 175). Д. И. Чижевский и М. М. Бахтин («Проблемы творчества Достоевского» М. М. Бахтина вышли в том же 1929 г., что и статья Чижевского) видимо, пришли к этим терминам параллельно. Но Чижевский в отличие от Бахтина сумел избежать опасности нивелирования позиции автора в разработанном им определении метода: роль автора остается ведущей (см. позднейшую рецензию Чижевского на переиздание книги Бахтина *Чижевский Д. И.* Новые книги о Достоевском // *Новый журнал Нью-Йорк*, 1965. Т. 81. С. 282—284. Фрагмент этой рецензии перепечатан в *Бахтин М. М. Pro et contra*. СПб., 2001. Т. 1. С. 210—212).

¹¹ См. обстоятельный библиографический обзор Г. М. Фридендера — 15, 462

мо на вход в мир Это только случайный пример Таких открытий в работах Чижевского бесконечное множество»¹² Высоко ценил сотрудничество Чижевского главный редактор журнала, в котором статья была опубликована, славист и индоевропеист Макс Фасмер Известно также, что оттиск этой статьи с дарственной надписью имелся в библиотеке А Л Бема, судя по многочисленным подчеркиваниям и замечаниям, внимательно ее прочитавшего и, в частности, по поводу мысли Чижевского о «голосах полифонического оркестра действующих лиц» отметившего на полях «Ср Бахтин»¹³ В лувенском личном архиве учителя Чижевского, основателя феноменологического направления современной философии Э Гуссерля среди шести оттисков немецкоязычных статей Чижевского хранится и статья «Шиллер и „Братья Карамазовы“»¹⁴ Сохранилась она в виде отдельного оттиска и в библиотеке Фрейбургского университета, в котором Чижевский завершил свое философское образование, и в личной библиотеке друга Чижевского, швейцарского протестантского богослова Ф Либа Сведения о посылке статей о Достоевском содержатся в переписке Чижевского с С Л Франком, В И Вернадским и другими известными русскими и иностранными учеными Этот краткий обзор распространения автором оттисков своей статьи «Шиллер и „Братья Карамазовы“» свидетельствует не только о том значении, которое он придавал ей сам, но и о ее высокой оценке и благожелательном приеме коллегами

Безусловно, публикация этой работы Чижевского требует как минимум издательского комментария Не претендуя на его всеохватность, хочется оговорить принципиальные моменты в издании статьи Чижевского «Шиллер и „Братья Карамазовы“»

Основная проблема — это цитаты Чижевский цитирует тексты произведений Шиллера по немецкому изданию Беллермана¹⁵

¹² Степун Ф Дмитрий Иванович Чижевский // Русская мысль Париж, 1964 7 июля № 2174 С 5

¹³ За предоставление копии оттиска статьи «Шиллер и „Братья Карамазовы“» из личной библиотеки А Л Бема выражаем глубокую признательность сотруднице Славянской библиотеки в Праге Марии Магидовой, в настоящее время занимающейся выделением книг и оттисков личной библиотеки А Л Бема из общих фондов в отдельный фонд Дарственная надпись Чижевского на первой странице оттиска гласит «Дорогому Альфреду Людвиговичу Бему с благодарностью и дружеским приветом, автор Zahringen, 10 9 29» На полях страницы 4 примеч 3 А Л Бемом исправлена опечатка «N L Otmizdov» на «Озмидов»

¹⁴ На оттиске лапидарная надпись автора «С благодарностью и уважением Д Чижевский» (ед хр SA 592) Второй достоевсковедческой статьи Чижевского сохранившейся в архиве Гуссерля, является немецкоязычная версия его статьи о двойнике «О проблеме двойника у Достоевского Опыт философской интерпретации» (ед хр SA 592)

¹⁵ Чижевский не указывает год издания Скорее всего, он пользовался одним из двух изданий 1) Schillers Werke / Hrsg L Belleimann, Kritisches durchgesehene

В переводе цитаты из произведений Шиллера даются по следующим изданиям

1 Драматические сочинения Шиллера в переводах русских писателей, изданные под редакцией Ник Вас Гербеля В 9 т СПб, 1857—1861 Сам Чижевский отсылает читателей своей статьи именно к этому изданию, так как в этом первом русском собрании сочинений Шиллера были опубликованы переводы трагедий писателя, сделанные М М Достоевским Кроме того, известно, что это издание было в библиотеке Достоевского ¹⁶

2 Шиллер Ф Собр соч В 7 т М, 1957 По этому изданию приводятся переводы цитат из произведений Шиллера, которые еще не были переведены во времена гербелевского издания, к примеру, весь корпус цитат из «Писем об эстетическом воспитании» Шиллера В случаях, когда Чижевский дает отсылки к текстам произведений Шиллера, которые не вошли в вышеупомянутые собрания, дается сноска к немецкому изданию его произведений

В немецком тексте статьи «Шиллер и „Братья Карамазовы“» Чижевский цитирует произведения Достоевского на немецком языке по изданию Пипера (Munchen, 1920) со своими поправками в переводе И дает отсылки к русскому изданию произведений Достоевского Ладыжникова, выходившему в Берлине на рубеже 1920-х гг Так, цитаты из «Братьев Карамазовых» приводятся на немецком по изданию Пипера, с отсылками к тому и страницам по изданию Ладыжникова (Берлин, 1919) Отдельно взятые цитаты даются по изданию «Просвещение», 1885 Черновые наброски к роману приводятся по изданию F Dostojevsky Die Uigestalt der Bruder Karamazov / Einleitung, Komment W Komaiowitsch Munchen Piper, 1928

При подготовке к публикации перевода статьи Чижевского было принято решение дать все цитаты из произведений и подготовительных материалов к «Братьям Карамазовым» Достоевского по Полному академическому собранию сочинений Достоевского в 30 томах (Л, 1972—1990), как это принято в настоящем сборнике Сняты отсылки Чижевского к изданиям текстов Пипера и Ладыжникова и примечания с указаниями на неточность немецкого перевода цитат из произведений Достоевского В немецком тексте статьи 1929 г они были необходимы В современном русском варианте нужды в них нет Все особые случаи оговариваются в примечаниях от редактора, помеченных звездочкой (*)

und erlauterte Ausgabe 14 Bd Leipzig, 1895—1897, 2) Auflage 1919—1921 in 15 Bd
Выражаем признательность за библиографическую справку Х -Ю Герiku и за помощь в подготовке публикации Р Ю Данилевскому

¹⁶ Библиотека Ф М Достоевского Опыт реконструкции Научное описание СПб, 2005 С 102—103

ШИЛЛЕР И «БРАТЯ КАРАМАЗОВЫ»

1

Методологическое предисловие

Читатель, вероятно, мог бы рассматривать настоящее исследование как попытку изучения «влияний Шиллера на Достоевского». Ведь такой тип исследования широко распространен в *русских* историко-литературных изысканиях. При этом основное понятие «влияние», конечно, остается непроясненным, хотя и понимается в определенном смысле. Предполагается, что существует *каузальная взаимосвязь* между тем, что когда-либо писателем прочитано, и тем, что он написал. Он, якобы, либо переносит из прочитанного в написанное целые куски и отдельные слова, как и сюжеты и ситуации, либо то, что им пишется, «подвергается влиянию» прочитанного и сохраненного в памяти, т. е. претерпевает переоформление и преобразование. Но при этом едва ли отдают себе отчет, каким же образом этот каузальный процесс должен происходить.

Мы хотели бы отказаться от такого метода выискивания влияний в первую очередь уже потому, что довольно часто он приводит к чисто случайным и лишь мнимонаучным выводам. Поскольку при двух (или более) похожих местах *A* и *B* у двух разных писателей, написанных раньше третьего места *C* у третьего писателя, место *C* не обязательно должно «зависеть» от них, и даже если оно зависимо от одного и того же места, то у нас нет никакой возможности установить, от какого же. С точки зрения логики эта ситуация может быть сформулирована таким образом: *A*, *B* и *C* могут все вместе причинно зависеть от оставшегося нам неизвестным места *D*. Но причина всех этих мест — *A*, *B* и *C* — может находиться и *вне* существовавшей до сих пор литературы — и прежде всего в качестве такой причины принимается во внимание «жизнь». Ведь на общей основе «пережитого» похожие выражения, взаимосвязи слов, ситуации и сюжеты могут возникать *совершенно независимо* друг от друга, поскольку в жизни часто встречаются «похожие» образы, типы, изображенные в литературе жизненные ситуации. И в этой связи на фоне такого переживания может быть осознана художественно-историческая или литературно-историческая реминисценция («заход солнца, достойный картины К. Д. Фридриха», «как Смердяков», «женщина, похожая на женщин Лукаса Кранаха»...), но точно так же это родство переживаний может остаться и незамеченным или пропущенным как не относящееся к самому переживанию совершенно случайное попут-

ное замечание о пережитом. И наша гипотеза о том, как обстояло дело в конкретном случае у определенного писателя, не имеет ни малейшего основания. Если мы даже знаем, что писатель *K* читал произведение *X*, то этого все же еще недостаточно, чтобы можно было делать выводы о действительно возникшей в процессе творчества реминисценции.

Во-вторых, по своему смыслу и своему значению отдельные элементы художественного произведения отнюдь *не самостоятельны*, но должны пониматься только в сочетании и во взаимосвязи с *целью* всего содержания произведения. «Разрывающий на части» метод, рассматривающий каждый элемент сам по себе, отдельно, не только неправилен, но даже абсурден, так как обнаруживает часто «сходства», во взаимосвязи произведения оказывающиеся «несходствами».

Но, не говоря уже об этих отдельных недостатках, следует вообще изначально отвергнуть каузальное рассмотрение искусства.

Совершенно иной является ситуация, когда писатель определенно ссылается на произведения другого, цитирует его, опровергает или подтверждает его мысли. Именно таким случаем, как мы увидим, является случай с Шиллером—Достоевским.

Таким образом, в нашей работе мы не собираемся детально проследить «влияния» Шиллера на Достоевского. Мы хотим поговорить о полемике Достоевского с Шиллером, полемике, к которой Достоевский пришел *сознательно и преднамеренно*. И если мы будем говорить о сходстве идей, постановок проблем, а также отдельных ситуаций, то их следует понимать только исходя из разногласий между Шиллером и Достоевским. Кстати, не может быть никаких возражений против сравнения двух произведений или двух писателей,¹ если не «*влияния*» одного на другого отыскиваются, а раскрывается и интерпретируется их *внутреннее сродство*, проявляющееся у них в одних и тех же или сходных жизненных ситуациях — прежде всего — в общем *мировоззрении*, общем *мировосприятии*, которые в конечном счете восходят к *смысловым* историческим взаимосвязям, а не к *причинным* взаимосвязям.

В таком духе эта работа была начата и осуществлена. В этом же смысле, как интерпретацию исторически-значительного противоборства двух мировоззрений, ее и следует понимать.

¹ При этом следует исходить не из деталей, а из целого.

Вряд ли какого-либо из западноевропейских поэтов читали в России с таким же воодушевлением и таким энтузиазмом, как Шиллера История русского «шиллеризма» еще не написана. Но можно с определенностью сказать — почти все великие русские поэты и мыслители пережили свой «шиллеризмский» период. Драммы и лирика Шиллера влияли не только на эстетическое восприятие. Идейное содержание произведений Шиллера увлекало русского читателя гораздо сильнее и мощнее, чем художественные красоты. Шиллер несистематический, но глубокий и интересный мыслитель. Не случайно современные исследователи открыли у него ряд идей и понятий, превосходящих более поздние философские учения Фихте, Шеллинга и Гегеля.²

Это идейно-историческое положение Шиллера, его место на пороге новых настроений и идей соответствует характеру его влияния на историю русской мысли. Шиллер почитался молодежью — молодежью, которая от него и через него позже переходила то к Шеллингу и Гегелю, то к воззрениям, вообще весьма далеким от идеализма Шиллера. Но случаи, когда влияние Шиллера развеивалось полностью, не оставляя глубоких следов, редки — даже в зрелом возрасте в идейной сокровищнице бывших почитателей Шиллера часто находятся весьма значительные мировоззренческие элементы, заимствованные у Шиллера или явившиеся результатом оказанного им влияния.

Мы не собираемся здесь говорить об истории русского шиллеризма.³ Упомянем лишь о том, что в ряду русских почитателей Шиллера можно найти такие имена, как Жуковский, Лермонтов, Гоголь, Марлинский, В. Печерин, Станкевич, Белинский, М. Бакунин, Герцен, Огарев, Хомяков, М. Погодин, Тютчев, А. Григорьев, И. Тургенев, Страхов, Плещеев и даже Глеб Успенский и Михайловский.

К этому ряду относится и Ф. М. Достоевский. Уже будучи десятилетним мальчиком, он был глубоко потрясен постановкой «Разбойников»⁴. Вместе со своим братом М. М. Достоевским наизусть

² См. из новейшей литературы *Krone R. Von Kant bis Hegel*. Tübingen 1924 Bd 2, а также *Bohm W. Shillers Briefe über ästhetische Erziehung des Menschen*. Halle, 1927. Этой же теме посвящена и моя (оставшаяся неопубликованной) работа «К вопросу о философском развитии Шиллера» (написанная в 1918—1919 гг.).

³ Влияние Шиллера на русскую мысль иногда упоминает в различных своих работах В. В. Зеньковский. Готовится моя работа «Шиллер в России».

⁴ Позднее Достоевский рассказал об этом своей второй жене (Биография письма и зачетки из записной книжки Ф. М. Достоевского Лб 1881 С 11) и упомянул об этом впечатлении в письме к Н. Л. Озмидову, который просил у него

учит стихотворения Шиллера Но только позже пришло время восторженного восприятия Шиллера «Я вызубрил Шиллера, говорил им, бредил им () имя же Шиллера стало мне родным, каким-то волшебным звуком, вызывающим столько мечтаний!» (из письма к брату от 1 января 1840 г — 28, 69) Гомер, Шекспир, Шиллер, Гофман упоминались теперь на одном дыхании Вместе со своим другом юности, страстным почитателем Шиллера, Шидловским, Достоевский читает драмы Шиллера⁵ (письма к брату от 31 октября 1839 г, 1 января 1840 г) Он мечтает о том, чтобы издать «всего Шиллера» на русском⁶ Позже его брат Михаил возьмется за реализацию этого плана Он перевел «Разбойников», «Дон Карлоса» и многие стихотворения Шиллера⁷ Первые литературные опыты Достоевского во всяком случае тоже связаны с Шиллером⁸ Почитателем Шиллера считают его и его друзья⁹ Конечно, впоследствии почитание Шиллера станет для Достоевского равносильным мечтательству и ложной сентиментальности¹⁰ «Шиллер, свобода, ячменный кофе, и сладкие слезы, и грезы, и путешествие мое на луну» (19, 71)¹¹ Но эта несколько отрицательно-ироничная установка по отношению к *почитателям Шиллера* не относится к *самому Шиллеру* В 1861 г Достоевский добавляет к заметке своего друга и сотрудника Страхова (Страхов полемизировал с журналом «Век», в котором однажды появилось высказывание «Мы не слишком высоко ставим Шиллера» — 19, 286) следующие слова «Мы должны особенно ценить Шиллера, потому что ему было дано стать не только великим немецким поэтом, но и одним

совета о хорошей литературе для детей (Там же Приложение С 119 Письмо от 18 VIII 1880 — 30, 212)

⁵ О Шидловском см *Алексеев М П* Ранний друг Ф М Достоевского Одесса, 1921, о Шиллере см с 22—24

⁶ План издания Шиллера на русском языке еще долго занимает Достоевского Ср его письма брату за апрель 1844 г, сентябрь 1844 г, от 4 мая 1845 г, от 8 октября 1845 г, от 16 ноября 1845 г, от 9 ноября 1847 г

⁷ Биография С 55, 64 и др

⁸ Там же С 41 и др (Планы написания «Марии Стюарт» и «Бориса Годунова» На вероятность связи этих планов с чтением Шиллера Достоевским указывал М П Алексеев [О драматических опытах Достоевского] // Творчество Достоевского [Сборник статей и материалов / Под ред Л П Гроссмана] Одесса, 1921 [С 41—62])

⁹ *Комарович В Л* Юность Достоевского // Былое 1924 № 23 [С 3—43] В Л Комарович сообщает о новелле Плещеева, в которой Достоевский (или, может быть, Шидловский) представлены в роли почитателей Шиллера

¹⁰ Воспоминания Починковской (1873—1879) см *Чешингин-Ветринский В Е* Ф М Достоевский в воспоминаниях современников и письмах Москва, 1923 Т I С 142

¹¹ [Достоевский Ф М Петербургские сновидения в стихах и прозе] А также и другие места в «Униженных и оскорбленных» (3, 336, 337, 358 и далее 363, 368), «Преступлении и наказании» (6, 37, 352, 362, 371) и «Подростке» (13, 26)

из наших (русских поэтов)» * В статье того же года Достоевский повторяет это суждение «Да, Шиллер, действительно, вошел в плоть и кровь русского общества, особенно в прошедшем и в запрошедшем поколении» (19, 17) Снова и снова Шиллер упоминается вместе с великими и величайшими поэтами всех времен с Шекспиром, Гете — и так до «Дневника писателя» за 1876 г, где он писал «Шиллер гораздо национальнее и гораздо роднее варварам русским, чем не только в то время (в эпоху Французской революции) — во Франции, но даже и потом — А у нас он, вместе с Жуковским, в душу русскую всосался, клеймо в ней оставил, почти период в истории нашего развития обозначил» (23, 31) Даже еще в Пушкинской речи (1880) Достоевский снова говорил о «Шекспире, Сервантесе, Шиллере» **

Что эта высокая оценка Шиллера была не только чисто теоретическим признанием его исторического значения, показывают шиллеровские мотивы в последнем большом произведении Достоевского — в «Братьях Карамазовых»

3

В «Братьях Карамазовых» Достоевский часто использует особый, так сказать, «оркестральный» художественный прием, чтобы подчеркнуть какие-то важные для него мысли Мысль, брошенная одним персонажем, подхватывается другим, затем третьим, четвертым и, таким образом, проходит через все голоса полифонического оркестра действующих лиц

Маленький пример, который поможет нам позже В сущности Алеши заключено что-то неземное, сверхчеловечески-чистое и прозрачное, Алеша — «ангел», «херувим» Эта тема вплетается в довольно сложный ход романа, вкладывается последовательно в уста каждого из столь различных его героев «Хоть до тебя, как до ангела, ничего не коснется» (14, 24), — должен признать Федор Павлович среди больших и малых богохульных высказываний, «ты „чистый

* Чижевский (как и в более поздней статье «Шиллер в России») приписывает Достоевскому слова Н Н Страхова «Мы должны особенно ценить Шиллера, потому что ему было дано не только быть великим всемирным поэтом, но, сверх того, быть изящным поэтом Поэзия Шиллера доступнее сердцу, чем поэзия Гете и Байрона, и в этом его заслуга, от этого ему многим обязана и русская литература» (19, 287) Возможно, ошибка связана с тем, что приписка Достоевского к статье Н Н Страхова «Нечто о Шиллере» в тексте ее публикации во «Времени» никак не была отделена писателем от текста статьи Н Н Страхова (на авторство Достоевского указал сам Страхов — отмечено издателем И П Метченко в кн *Страхов Н Н Критические статьи* Киев, 1902 Т 2 С 251, в собрание сочинений приписка впервые включена Гроссманом (19 286))

** «Шекспиры, Сервантесы, Шиллеры» (26, 145)

херувим“» (15, 85), — подтверждает и Иван; «ты ангел на земле» (14, 97), «херувим ты мой» (15, 31), — кричит ему Дмитрий;¹² «Иван над нами *высший*, но ты у меня *херувим** (...) Может, ты то и есть высший человек, а не Иван» (15, 34); «Алеша, херувим ты мой» (14, 322), «Пожалел он меня первый, единственный, вот что! Зачем ты, херувим, не приходишь прежде?» (14, 323), — восклицает, всхлипывая и вставая перед Алешей на колени, Грушенька;¹³ а госпожа Хохлакова «быстро и восторженно зашептала» ему после сцены «надрыва в гостиной»: «Вы действовали прелестно, как ангел» (14, 176); «Вы поступили как ангел, как ангел, я это тысячи тысяч раз повторить готова» (14, 177). И чтобы не дать исчезнуть этому восторженному высказыванию эксцентричной дамы в ее бессвязной и бессмысленной болтовне, Достоевский подчеркивает его с помощью двух вопросов Лизы Хохлаковой, подслушавшей всю беседу из другой комнаты: «Мама, почему он поступил как ангел?» — и к Алеше: «За что вы в ангелы попали?» (14, 177—178).

Точно так же Достоевский развивает и другие важные для него темы, перебрасывая их от одного персонажа к другому, преобразовывая и изменяя их при этом соответственно характеру каждого персонажа. Например, тему двойственного характера красоты, тему незаслуженного страдания (страдающий ребенок в разговорах Ивана и Лизы, «дитё» в сне Дмитрия, Илюшечка, покинутые дети Федора Павловича и т. д.), тему возмущения, бунта против Бога (бунтует, богохульствуя, Федор Павлович; впадая в казуистику, Смердяков; бунтует не только Иван, но и Дмитрий, даже Алеша — 14, 318), тему «вины за других» (ср. речи Зосимы; вину за убийцу Смердякова несет Дмитрий — перед другими, Иван — перед самой собой).

К инструментованным таким образом темам относится и тема Шиллера. О Шиллере мы неожиданно слышим от Федора Павловича, представляющего своих сыновей старцу Зосиме: «Божественный и святейший старец! — вскричал он, указывая на Ивана Федоровича. — Это мой сын, плоть от плоти моя, любимейшая плоть моя! Это мой почтительнейший, так сказать, Карл Мор, а вот этот сейчас вошедший сын, Дмитрий Федорович, и против которого у вас управы ищу, — это уж непочтительнейший Франц Мор, — оба из „Разбойников“ Шиллера, а я, сам я в таком случае уж *Regierender Graf von Moog!* Рассудите и спасите» (14, 66). Достоевский не хочет, чтобы читатели забыли эти слова, казалось бы, случайно оброненные Федором Павловичем. Федор Павлович напоминает нам о них снова — в момент отъезда из монастыря: «Иван Федорович, (...)

* В цитатах выделения курсивом сделаны Д. И. Чижевским.

¹² А также: 14, 100.

¹³ «Как ангела какого люблю» (15, 259), — говорила Грушенька в первых набросках Достоевского к «Братьям Карамазовым».

почтительнейший Карл фон Мор» (14, 84—85)¹⁴ — и повторяет слова Шиллера «„Поцелуй в губы и кинжал в сердце“, как в „Разбойниках“ Шиллера» (14, 83)¹⁵

Имя Шиллера мы слышим снова, казалось бы, в совершенно неподходящий момент из уст полупьяного Дмитрия текут стихи Шиллера, сначала «Элевзинский праздник» (строфы 2—4 и начало 6-й), затем — «К радости» (строфа 4 и 3) (14, 98—99) То, что это цитирование Шиллера Карамазовыми не является случайным, Достоевский показывает в конце романа в речах прокурора «Но вот третий сын отца современного семейства () мы любители просвещения и Шиллера» (15, 128) — и адвоката «Талантливый обвинитель смеялся давеча над моим клиентом безжалостно, выставляя, что он любит Шиллера, все „прекрасное и высокое“ Я бы не стал над этим смеяться на его месте, на месте обвинителя!» (15, 169)¹⁶ И Иван тоже не может обойтись без цитирования Шиллера, даже на немецком языке «„Den Dank, Dame, begehrt ich nicht“, — прибавил он с искривленной улыбкой, доказав, впрочем, совершенно неожиданно, что и он может читать Шиллера до заучивания наизусть, чему прежде не поверил бы Алеша» (14, 175—176)¹⁷ И об этой цитате нам снова напоминают — а именно госпожа Хохлакова «И этот стишок немецкий сказал» (14, 178) Эта цитата из «Перчатки» настолько нейтральна по своему содержанию, что едва ли она могла иметь какое-то иное помимо лишь «инструментального» значения для Достоевского, т е как средство подчеркнуть, что все Карамазовы находятся в какой-то связи с Шиллером, когда-либо размышляли над проблемами и идеями Шиллера Да и в дальнейшем, в начале его «Легенды о Великом инквизиторе», мы снова слышим цитату из Шиллера, с помощью которой Иван опять свидетельствует о своем (прежнем) почитании Шиллера

Du mußt glauben, du mußt wagen,
Denn die Gotter leihn kein Pfand —¹⁸

цитата, которая, конечно, несколько более тесно связана с ходом мысли, но все же, вероятно, должна служить преимущественно для «инструментации» темы Шиллера

¹⁴ Достоевский осознавал эту взаимосвязь с шиллеровскими героями еще при первой переработке материала для романа (15, 204)

¹⁵ И Дмитрий повторяет позже ту же цитату (14, 143)

¹⁶ В набросках Достоевского к «Братьям Карамазовым» Дмитрий сам говорит в суде «Я Шиллер Любитель» (15, 366)

¹⁷ Дмитрий по меньшей мере знал также название стихотворения «К радости» на немецком

¹⁸ «Верь тому, что сердце скажет, / Нет залогов от небес» (14 225) «Желание» (строфа 4) Достоевский цитирует перевод Жуковского Во всех доступных мне немецких переводах «Братьев Карамазовых» эта цитата дана в обратном переводе с русского языка

Неудивительно, что мы и помимо этого находим *цитаты* из Шиллера в «Братьях Карамазовых» в местах, где они как таковые самим Достоевским не отмечаются либо там, где идет речь о шиллеровских проблемах, либо в простых реминисценциях, совершенно понятных для когда-то восторгавшегося Шиллером Достоевского, вероятно, и во время создания «Братьев Карамазовых» снова перечитывавшего Шиллера и размышлявшего о нем

Простые реминисценции из произведений Шиллера в «Братьях Карамазовых» нередки. В своем «бунте» Иван просто переиницирует слова Шиллера: Страдание, незаслуженное и неискупленное страдание, принуждает Ивана «пока еще время () от высшей гармонии» отказаться (14, 223), «Не хочу гармонии () Я хочу оставаться лучше со страданиями неотмщенными» (14, 223), «А потому *свой билет на вход спешу вернуть обратно* () Не Бога я не принимаю, Алеша, я только билет ему *почтительнейше возвращаю*» (14, 223). В этих словах содержится аллюзия на «Отречение» — стихотворение Шиллера, которое особенно любили почитатели Шиллера и которое «всегда было в мыслях и на устах», пожалуй, самого известного из них — Станкевича¹⁹

Поэт обращается к вечности

Empfange meinen Vollmachtsbrief zum Glucke
Ich bring ihn unaufgebrochen dir zurucke,
Ich wiesß nichts von Gluckseligkeit —

Однако сходство в выражениях особенно бросается в глаза, когда мы берем русский перевод

И грамоту на вход к земному раю
Тебе нераспечатав, *возвращаю* —
Блаженство было чуждо мне ()²⁰

От внешнего построения и содержания «Отречения» можно провести параллель к «бунту» Ивана — это обвинительная речь против

¹⁹ По свидетельству П. Анненкова. Нам не следует также забывать, что тему «Отречения» использовал и И. С. Тургенев в своем рассказе «Яков Пасынков».

²⁰ Русский перевод Данилевского был помещен в собрании сочинений Шиллера, которое вышло в издательстве Гербеля (1857). У Достоевского было издание Гербеля (*Гроссман Л.* Семинарий по Достоевскому Пг, 1923). В набросках Достоевского Шиллер упоминается непосредственно после заявления Ивана «возвращаю билет на вход» (15, 229). Связь не очень прозрачна, но речь идет во всяком случае о проблеме теодицеи: «Шиллер поет о радости () Чем куплена радость? Каким потоком крови, мучений, подлости и зверства, которых нельзя перенести? ()» (15, 230).

Бога («вечности» — у Шиллера), которая построена на (незаслуженных) страданиях человека, в «Отречении» на индивидуальном страдании, у Ивана — на страдании другого. Но решение апории в обоих случаях различно, поскольку Достоевский был в это время бесконечно далек от идей Шиллера, прежде всего от идей молодого Шиллера, самим Шиллером позднее преодоленных.

Без идей Шиллера не обходится и Алеша. В беседе с Колей Красоткиным он указывает на то, что игра и искусство находятся в близком родстве. «В театр, например, ездят же взрослые, а в театре тоже представляют приключения всяких героев, иногда тоже с разбойниками и с войной — так разве это не то же самое, в своем, разумеется, роде? А игра в войну у молодых людей, в рекреационное время, или там в разбойники — это ведь тоже зарождающееся искусство, зарождающаяся потребность искусства в юной душе, и эти игры иногда даже сочиняются складнее, чем представления на театре, только в том разница, что в театр ездят смотреть актеров, а тут молодежь сами актеры. Но это только естественно» (14, 484). Здесь дана, так сказать, «популяризация» одной из самых центральных и самых оригинальных мыслей эстетики Шиллера²¹. Конечно, трудно решить вопрос, вложил ли Достоевский эту мысль в уста Алеши, разделяя ее, или же она относится к «инструментовке» романа. Чтобы и Алеша в определенный момент тоже оказался «шиллерянцем».

Но даже и там, где Достоевский (как и Шиллер) развивает достаточно несимпатичные мысли и настроения, выражение для этих мыслей и настроений он иногда все же находит у Шиллера. В Митином защитнике Фетюковиче Достоевский воплотил ряд ненавистных ему качеств: пустой «либерализм», дешевое «просвещенство», неискреннее красноречие, лживую софистику — все, что он обозначает как «прелюбодейство мысли». Это «прелюбодейство мысли» достигает своего апогея в конце защитительной речи, когда Фетюкович доказывает, что понятие «отец», якобы, является «относительным». Фетюкович отрицает «мистическое» значение этого слова: «я не понимаю умом, а могу принять лишь верой». «О, конечно, есть и другое значение, другое толкование слова „отец“, требующее, чтоб отец мой, хотя бы и изверг, хотя бы и злодей своим детям, оставался бы все-таки моим отцом, *потому только, что он родил меня*» (15, 170), «Думаете ли вы, < > что такие вопросы могут миновать детей наших < >? < > Ему *по-казенному отвечают* на эти вопросы: „Он родил тебя, и ты кровь его, а потому ты и должен любить его“. Юноша невольно задумывается: „Да разве он любил меня когда рождал, — спрашивает

²¹ См. например, «Письма об эстетическом воспитании человека» (я даю номер письма и в случае необходимости называю абзац): письмо XV, XXVII. Сходство с мыслями Шиллера подчеркнуто И. Лапшиным (*Литин И.* Эстетика Достоевского. Берлин, 1923. С. 42).

он, удивляясь все более и более, — *разве для меня он родил меня он не знал ни меня, ни даже пола моего в ту минуту, в минуту страсти, может быть разгоряченной вином* Зачем же я должен любить его, за то только, что он родил меня ()?» (15, 171) Эти слова передают довольно точно ход мысли шиллеровского «непочтительнейшего Франца фон Мора» «*Ich habe langes und breites von einer sogenannten Blutliebe schwatzen gehört () es ist dein Vater! Er hat dir das Leben gegeben, du bist sein Fleisch, sein Blut, — also sei er dir heilig! () Ich mochte aber fragen, warum hat er mich gemacht? Doch nicht wohl aus Liebe zu mir, der erst ein Ich werden sollte? Hat er mich gekannt, ehe er mich machte? Oder hat er an mich gedacht, wie er mich machte? Wußte er, was ich werden wurde? () Kann ich's ihm Dank wissen, daß ich ein Mann wurde? So wenig als ich ihn verklagen konnte, wenn er ein Weib aus mir gemacht hatte () Wo steckt dann nur das Heilige? Etwa im Actus selbei, durch den ich entstand? Als wenn dieser etwas mehr ware als viehischer Prozeß der Stillung der viehischen Begierden! () Seht also, das ist die ganze Hexerei, die ihr in einen heiligen Nebel verschleiert () Soll ich mich auch dadurch gangeln lassen, wie einen Knaben! ()*» [«Мне до того все уши прожужжали о так называемой кровной любви () это твой отец! Он дал тебе жизнь, ты его плоть, его кровь, и потому — да будет он для тебя священ! () Хотелось бы мне знать, зачем он меня произвел на свет? Или думал он обо мне, как меня делал? или угадывал, что из меня будет? () Неужели мне благодарить его за то, что я родился мужчиной? Это все равно, что жаловаться, если б из меня вышла женщина! () Где же тут — священное? Разве в самом акте, через который я получил бытие? Как будто это было что-нибудь особенное, а не скотской процесс удовлетворения скотской похоти? () Вот вам и все колдовство, которое вы завешиваете священным туманом () Ведь я не мальчик, чтоб позволить убаюкивать себя подобными песнями»,²² «*Den Vater, der vielleicht eine Bouteille Wein weiter getrunken hat, kommt der Kitzel an, () und draus wird ein Mensch, und der Mensch war gewiß das Letzte, woran bei der ganzen Herkulesarbeit gedacht wird () Hangt nicht das Dasein der meisten Menschen mehrenteils an der Hitze eines Julmittags, oder am anziehenden Anblick eines Bettuchs, oder an der wagrechten Lage einer Kuchengazie, oder an einem ausgeloschten Licht () Die Geburt des Menschen ist das Werk einer viehischen Anwandlung, eines Ungefähr ()*»* [«Отца, который выпьет за ужином лишний бокал вина,

* В статье Д И Чижевского произведения Шиллера цитируются на немецком языке Перевод дается в квадратных скобках после цитаты по изданию Н В Гербеля В случае небольших фрагментов приводится сразу русский вариант текста [Драматические сочинения Шиллера Т III С 14—16]

²² «Die Rauber» I, 1, Weiße (Bellermann), II, 26—27 Перевод «Разбойников» на русский язык выполнен М М Достоевским (вышел в издании Шиллера Гербелем в 1857 г)

ни с того ни с другого начинает разбирать, и из этого происходит человек. А человек был уже наверно последнею вещью, о которой думали в продолжение этой геркулесовской работы. (.) рождение человека — дело случая или скотской похоти (.)».²³

5

Но оставим в стороне чисто внешние аллюзии, ссылки, реминисценции. Если теперь мы обратимся к самому идейному содержанию «Братьев Карамазовых», то сразу столкнемся с целым рядом проблем, которые мучили и Шиллера. На поставленные Шиллером вопросы Достоевский дает ответы новые, не те, которые он находил раньше у Шиллера и которые раньше, может быть, тоже разделял. Ответы теперь другие, в связи с чем несколько меняется и постановка вопросов. Но во многих случаях мы находим отчетливые следы размышлений о Шиллере и иногда — полемику с ним — т. е. попытки преодолеть то «шиллерианство», через которое в свое время прошел сам Достоевский и которым, по его мнению, еще была увлечена часть тогдашнего русского общества.²⁴

Одной из основных мыслей романа является идея «высшего человека». Достоевский выражает эту идею словами Дмитрия: «Я хоть и говорю, что Иван над нами высший, но ты у меня херувим (.) Может, ты-то и есть высший человек, а не Иван» (15, 34). И все построение романа с разнообразием его человеческих типов, с их «бунтами» и коллизиями, вся иерархия типов, восходящая в Алеше и Зосиме к действительно высшим — и подлинно человеческим — формам индивидуальности, — вся тематика романа ведет нас многими путями к этой основной теме — к теме «высшего человека».

²³ Ebenda IV, 2, Werke, II, 112—113 [Драматические сочинения Шиллера Т III С 115—116] Комарович («Die Urgestalt der Bruder Karamazov» Munchen Piper, 1928 С 20 и след., 38) показывает, что мысли Достоевского об отцеубийстве определены идеями своеобразного русского мыслителя Н. Федорова. Но наш анализ доказывает, что этот сюжет находится в очень тесной связи с «Разбойниками» Шиллера. Впрочем, прямую аллюзию на идеи Федорова («воскрешение» мертвых) можно увидеть только в одном месте набросков Достоевского, которое при последней переработке было им опущено. Отношение Достоевского к идеям Федорова становится к тому времени явно прохладным и скептическим.

²⁴ В данном случае я не имею возможности говорить о философской идее романа. Но я хотел бы только заметить, что, несмотря на интересное содержание статьи С. Гессена (Современные записки № 35, на немецком Der russische Gedanke 1929 № 1), я не могу полностью разделить его точку зрения.

Имеется в виду статья Гессен С. И. Трагедия добра в «Братьях Карамазовых» Достоевского // Современные записки Париж, 1928 № 35 С 308—338 (примеч. публикатора).

Эта же тема затрагивается Достоевским в «Подростке» (вспомним Версилова и Макара Ивановича), в «Бесах», в «Преступлении и наказании», — и эта же тема была основным вкладом Шиллера в развитие немецкого идеализма²⁵

Этическое учение Канта расщепляет единство личности, так как нравственность для Канта состоит в борьбе между долгом и склонностью, разумом и чувственностью Шиллер видит основную задачу своей теории морали в преодолении кантовского дуализма. Для него этический идеал — это личность, в которой обе борющиеся в человеческой душе друг с другом силы примиряются, объединяются и находятся в гармонии друг с другом. Победа одной из этих сил, неважно, долга или склонности, ведет к вырождению, к упадку личности, к образованию исключительно одностороннего типа. Над этими возможными и в действительности существующими односторонними человеческими типами — над человеком рассудка, «холодным», и человеком чувственности, «узким» (эгоистичным), между «варварами» (в душе которых господствует «однообразие») и «дикарями» (живущими в «беспорядке»²⁶) — стоит «эстетический» тип, поскольку только в искусстве и в красоте возможно объединение рассудка и чувственности, долга и непосредственного переживания.²⁷

В «Братьях Карамазовых», как это легко можно увидеть, в основу композиции произведения положена та же проблематика. Людьми рассудка, «холодными», являются Иван, Смердяков, Ракитин, Фетюкович, чувственными, «узкими» — Федор Павлович, Дмитрий. Оба упомянутых сына (а также Алеша) происходят от Федора Павловича, так как в основе всех высших форм жизни, возможно, лежат половые влечения.²⁸ Но рассудок и чувственность все же присущи каждому человеку. Потому что с возможностью существования до конца «одностороннего» человеческого типа Достоевский вряд ли бы согласился. Не случайно же он и Дмитрия заставляет размышлять о высших вопросах человеческой жизни, а Федора Павловича наслаждаться диалектикой смердяковского мудрствования и испытывать определенное расположение к Ивану, не случайно он и Ивана изображает как в известном смысле самого похожего на

²⁵ Об этом — моя работа «Hegel et Nietzsche» в «Revue d'Histoire de la philosophie» (1929 № 2) и *Udo Gaede Schiller und Nietzsche als Verkunder der tragischen Kultur 2 Aufl* Berlin, 1910

²⁶ Ср место в набросках, где Дмитрий восклицает «Дикари, дикари!», «Порядка во мне нет, высшего порядка» (15, 271)

²⁷ Шиллер «Письма об эстетическом воспитании» III, IV, XII—XIV, VI Моя вышеупомянутая статья частично посвящена истории идеи высшего человека

²⁸ Ср также у Шиллера о «пошлом характере», для которого половая сфера является определяющей (IV 2), а также «() в конце концов с чувственными побуждениями связано все явление человечности» (XII, и след) (*Шиллер Ф Собр соч В 7 т Т 6 С 288*)

Федора Павловича сына (15, 68)²⁹ Сам Иван замечает в себе «неступленную и неприличную, может быть, жажду жизни» и признает себя «Карамазовым» (14, 209)³⁰ И Алеша несколько расположен как к «холодному», так и к «узкому» типу, ведь он понимает их оба, так как и «он — Карамазов» (14, 74)³¹

Для Достоевского идея высшего человека была самым тесным образом связана с миром идей Шиллера, от Шиллера он воспринял эту идею,³² и все возражения против нее могут восприниматься как возражения, направленные против Шиллера. Но Достоевский отказывается от этой идеи лишь постольку, поскольку она не получила религиозного смысла, не преображена и не очищена религиозно. Достоевский видит в этой идее в том виде, который она приобрела у Шиллера, некоторые «опасности», т. е. возможность ее заострения против нравственного мирового порядка и против Бога. Эта опасность действительно существует, но, вероятно, во времена Достоевского еще никто не вывел всех тех следствий из идеи высшего человека, которые из нее извлек Достоевский. Лишь несколько лет спустя Ницше пришел приблизительно к тем же самым выводам.³³ Но в то время как для Ницше они стали основой его «переоценки ценностей», Достоевскому они послужили отправной точкой для критики идеи высшего человека.

Первой опасностью, вскрытой Достоевским в идее «высшего человека», является возможность превращения самосознания «высшего человека» в «сатанинскую гордость» (эта опасность реализовалась именно у Ницше в его «новых скрижалях заповедей») Эта гордость, *υβρις* или «своеволие», захватывает душу человека, считающего себя «высшим человеком» в том случае, если его сознание не обладает никакими связывающими внутренними силами. «Своеволие» с необходимостью ведет к преступлению, к нарушению заповедей, как оно совращает и Раскольникова к убийству «старухи». Или по крайней мере приводит к соучастию в преступлении — даже если и не к эм-

²⁹ То же повторяет и прокурор 15, 127, а также 14, 75

³⁰ А также 14, 240, 217

³¹ Тему «Алеша является также Карамазовым» Достоевский вкладывает в уста самого Алешы, Ракитина, Дмитрия, Ивана, прокурора 14, 74, 100 101 199, 201, 15, 127 и т. п. Ср. также «житие» Зосимы

³² Другим источником идеи «высшего человека» у Достоевского является его юношеское увлечение социализмом (об этом *Комарович В. Л.* Юность Достоевского // *Былое* 1924 № 23 С. 21). Тем не менее отзвуки этой идеальной связи можно найти только в «Бесах» и в «Преступлении и наказании». Поэтому нам здесь не обязательно останавливаться на этой идее.

³³ Ницше, как известно, читал и ценил произведения Достоевского. Насколько мы сможем установить, Ницше ознакомился, однако только с переводом повестей Достоевского на французский (среди них — «Двойник» и «Хозяинка») и вероятно еще с «Преступлением и наказанием».

пирическому, ни к физическому, то все-таки к моральному соучастию. Так, Дмитрий стал соучастником убийства своего отца, *осудив* отца, поставив себя выше его и почувствовав себя вправе отрицать смысл его существования. «Зачем живет такой человек! (...) нет, скажите мне, можно ли еще позволить ему бесчестить собою землю?» (14, 69). Сучастником убийства почувствует себя позже и Иван, потому что он тоже пришел к безусловному осуждению своего отца, а одновременно и своего брата Дмитрия. «Один гад съест другую гадину, обоим туда и дорога!» (14, 129). Иван и Дмитрий считают себя «высшими людьми» — «выше» даже Федора Павловича, чувствуют себя вправе судить о нем и осуждать его. Но ставить себя выше другого — уже грех! Действительно высший человек не осуждает и не презирает никого. В «неосуждении» Достоевский видит ключ к этическому сознанию даже в высшей степени обращенного к самому себе, в высшей степени эгоистичного, глубоко грешного человека. Так Алеша находит дорогу к сердцу Федора Павловича. Достоевский заставляет Федора Павловича неоднократно повторять: «...ведь я чувствую же, что ты единственный человек на земле, который меня не осудил, мальчик ты мой милый, я ведь чувствую же это, не могу же я это не почувствовать» (14, 24), «Алеша „пронзил его сердце“ тем, что „жил, все видел и ничего не осудил“» (14, 87), «Вот Алеша смотрит, глаза его сияют. Не презирает меня Алеша» (14, 125).³⁴ То же чувствует Дмитрий: «Ты выслушаешь, ты рассудишь, и ты простишь... А мне того и надо, чтобы меня кто-нибудь высший простил» (14, 97), — но сам Алеша вовсе не считает себя высшим. Его «неосуждение» «переворачивает сердце»: например, у Грушеньки, которая ожидала от него «презрения», но которую он «сестрой своею назвал», «пожалел он меня первый, единый, вот что!» (14, 323).³⁵ Сам Алеша понимает это неосуждение как основной этический принцип. «Что-то было в нем, что говорило и внушало (да и всю жизнь потом), что он не хочет быть судьей людей, что он не захочет взять на себя осуждения и ни за что не осудит. Казалось даже, что он всё допускал, нимало не осуждая, хотя часто очень горько грустя» (14, 18). И Алеша сам говорит Ивану: «...неужели имеет право всякий человек решать, смотря на остальных людей, кто из них достоин жить и кто более недостоин?» (14, 131). Согласно этой же норме он ведет себя по отношению к Дмитрию, которого стремится убедить в том, что «я то же самое, что и ты. (...) Все одни и те же ступеньки. Я на самой низшей, а ты вверху, где-нибудь на тринадцатой. (...) но это все одно и то же, совершенно однородное» (14, 101). И в переговорах с капитаном: «Его, главное, надо теперь убедить в том, что он со всеми нами на равной ноге (...) и не только на равной, но даже на высшей ноге» (14, 197). И так же по

³⁴ 14, 87, 123 и др.

³⁵ 14, 317, 320.

отношению к Грушеньке, когда он ей сам признается «Я не как судья тебе встал говорить, а сам как последний из подсудимых» (14, 321) Ту же самую установку по отношению к человеку имеет и Зосима «Брезгливости убегайте тоже и к другим, и к себе» (14, 54), монаху необходимо сознание, «что он хуже всех мирских и всех и вся на земле» (14, 149) — «ибо и сам мерзок есмь паче всех и вся» (14, 149) «любите человека и во грехе его» (14, 289) «Помни особенно, что не можешь ничьим судиею быти» (14, 291)³⁶

Конечно, Достоевский мог найти у Шиллера понимание опасности осуждения своего ближнего Но к этому мы еще вернемся Достоевский хочет особенно подчеркнуть, что все и каждый имеют отношение к самому низкому, к «сатанинской» природе, к тому, что характеризуется Достоевским (как и Шиллером), как «насекомость» Таков Федор Павлович — «развратнейший и в сладострастии своем часто жестокий, как злое насекомое» (14, 86), Дмитрий — «насекомое», «любил жестокость разве я не клоп, не злое насекомое?» (14, 100), «„Насекомым — сладострастье!“ Я, брат, это самое насекомое и есть, и это обо мне специально и сказано» (14, 99—100), — и снова и снова он повторяет «Я клоп», «злой тарантул», «смердящее насекомое», «червь я, бесполезный червь», темные силы в душе Дмитрия являются «жестоким насекомым в душе», «фалангой» (вид ядовитого паука), жалящей «в сердце»³⁷ (14, 105) Дмитрий замечает в себе то, что Федор Павлович заметить не способен и что было бы не так легко заметить у другого человека Но и Иван чувствует в себе ту же «насекомость», а Дмитрий видит ту же «сатанинскую природу» даже в Алеше «И в тебе, ангеле, это насекомое живет и в крови твоей бури родит» (14, 100) Жестокое сладострастие струится из рассказов Ивана о замученных детях и из аналогичных рассказов Лизы Хохлаковой (15, 24) Однако в этой сладострастной жестокости есть нечто общечеловеческое «и все любят, что он (Дмитрий) отца убил» (15, 23), — говорит Лиза и Алеша подтверждает «В ваших словах

³⁶ Еще 14, 28, позже Дмитрию приходит к такой же мысли 14, 417

³⁷ 14, 105, 366, 376 и др «Насекомое» и «червь» — слова, которые Шиллер употребляет для названия самой низкой ступени природного бытия Так, в письме Рейнвальду от 14 апреля 1783 г (*Шиллер Ф Собр соч Т 7 С 48*) червь противопоставляется серафиму, уже в раннем произведении «Прогулка под липами» (1782, *Schillers Samtliche Werke Sakular-Ausgabe in 16 Banden Stuttgart, Berlin, 1904 Bd 2 S 144*) «насекомое» упоминается в этом смысле, в «Музея антиков в Мангейме» (1785, *Шиллер Ф Собр соч Т 6 С 542*) — «мир червей» и дальше «К радости» — «червь» и «херувим» (в русском переводе Жуковского «насекомое» и «ангел») В «Дон Карлосе» «насекомое» и «червь» в таком же смысле (1785, III, 10, IV, 21, *Драматические сочинения Шиллера Т III С 341 413*) Также не следует забывать, что у Достоевского «насекомое» употребляется не только в «Братьях Карамазовых», а и в других произведениях всегда как воплощение «сатанинской природы» человека (ср особенно Свидригайлов в «Преступлении и наказании» и в «Исповеди» Ставрогина)

про всех есть несколько правды» (15, 23), то же говорит Иван в суде «Кто не желает смерти отца? () Все желают смерти отца» (15, 117)³⁵ И все же в силе остается норма «неосуждения» «*Несмотря на то*», что в каждом человеке есть сатанинская природа, или, может быть, *именно поэтому* Поскольку в каждом живет «насекомость», и поэтому каждый «за всех и за вся виноват», ибо все и каждый, даже и «высший человек», грешны

А третий тип (Алеша, Зосима) как для Достоевского, так и для Шиллера стоит выше двух «односторонних» типов И обоими этот третий тип характеризуется одинаково как творческий, деятельный, активный

«Делай неустанно Если вспомнишь в ноши, отходя ко сну „Я не исполнил, что надо было“, то немедленно восстань и исполни» (14, 291), — так учит Зосима И Алеша исполняет его завет Ничем иным, как постоянным, неутомимым деланием, являются его заботы о Дмитриии, его беседы с мальчиками и Иваном, с Лизой и Грушенькой, даже его молчаливое пребывание вместе с отцом³⁹ В этом его делании странным образом сочетаются активность и пассивность (способность говорить и слушать, забота о других и спокойное принятие заботы других о себе, помощь другим и сознание собственной потребности в помощи, деятельная любовь к другим и принятие любви от других, соединение серьезности с шуткой и игрой)⁴⁰ Формально это полностью соответствует характеристике, данной Шиллером эстетическому типу человека «Haben wir uns dem Genuß echter Schönheit hingegeben, so sind wir in einem solchen Augenblick unserer leidenden und tatigen Kräfte in gleichem Grad Meister und mit gleicher Leichtigkeit werden wir uns zum Ernst und zum Spiel, zur Ruhe und zur Bewegung, zur Nachgiebigkeit und zum

³⁵ Нам бы не хотелось забывать сюжет отцеубийства, который был столь типичен для «Бури и натиска» и который Достоевский связывал с Шиллером (ср приведенные выше слова Федора Павловича «Это мой почтительнейший, так сказать Карл Мор, а вот этот () — это уж непочтительнейший Франц Мор, — оба из „Разбойников“ Шиллера, а я, сам я в таком случае уж Regierender Graf von Moos!» — 14, 66) Оба сына, каждый по-своему виновны в смерти отца, как Карл и Франц у Шиллера

³⁹ Эта сторона характера Алеши открыта С Гессеном (*Гессен С И* Трагедия добра С 322—327)

⁴⁰ Он «много () молчит» (14, 18) «Вот, может быть, единственный человек в мире, которого оставьте вы вдруг одного и без денег на площади незнакомого в миллион жителей города, ни за что не погибнет и не умрет с голоду и холоду () и это не будет стоить ему никаких усилий и никакого унижения, а пристроившему никакой тягости, а, может быть, напротив, почтут за удовольствие» (14, 20) Алеша воспринимает поведение Грушеньки как помощь в минуту слабости (14, 318 «Льковка») «Да и все этого юношу тюбили, где бы он ни появился, и это с самых детских даже лет его» (14, 19) Эпизоды с мальчиками полны свидетельства того, как Алеша принимает всерьез игру и шутку

Widerstand, zum abstrakten Denken und zur Anschauung wenden» — «hohe Gleichmutigkeit und Freiheit des Geistes mit Kraft und Rustigkeit verbunden, ist die Stimmung, in der uns ein echtes Kunstwerk entlassen soll» [«() предавшись наслаждению истинной красотой, мы в этот миг в одинаковой мере владеем нашими страдательными и деятельными силами, и тогда мы способны с одинаковой легкостью обратиться как к серьезному делу, так и к игре, к покою и к движению, к уступчивости и к противодействию, к отвлеченному мышлению и к созерцанию» — «высокое душевное равновесие и свобода духа, соединенные с силой и бодростью, и дают то настроение, которое должно оставлять в нас истинное художественное произведение»]⁴¹ Формально характеристики типа «высшего человека» у Шиллера и Достоевского схожи, даже тождественны. Все же основание для этой своеобразной устойчивости нужно искать в совершенно различных сферах.

Достоевский направляет свою полемику против шиллеровского понимания «высшего человека» как высшего *в красоте*, как «эстетического» человека. Для Достоевского, как и для Шиллера, красота имеет двойственную сущность — находясь на грани двух миров, она сопричастна обоим. Но в отличие от Шиллера Достоевский не считает, что красота могла бы создать, укрепить и сохранить устойчивое равновесие между двумя борющимися друг с другом в человеческой душе силами.⁴² В часто цитированном уже восторженном монологе Дмитрия — в согласии с Шиллером — признается двойственный характер красоты, но одновременно вскрывается ее внутренняя слабость, ее неспособность стать руководительницей в человеческой жизни. «Красота — это страшная и ужасная вещь! () Тут берега сходятся, тут все противоречия вместе живут!» (14, 100). Идеал Мадонны и идеал содома *с эстетической точки зрения* соседствуют и соприкасаются друг с другом — «Что уму представляется позором, то сердцу сплошь красотой. В содоме ли красота? Верь, что в содоме-то она и сидит для огромного большинства людей» (14, 100). «Ужасно то, что красота есть не только страшная, но и таинственная вещь. Тут дьявол с Богом борется, а поле битвы — сердца людей» (14, 100). И если Шиллер не имеет «иного пути сделать чувственного человека разумным, как только сделав его сначала эстетическим»,⁴³ то у Достоевского человек не может быть освобожден и спасен красотой. «Широта» красоты находится в тесном родстве с «широтой характера» карамазовских натур, «способных вмещать всевозможные

⁴¹ «Письма об эстетическом воспитании», XXII, 2, 3 (Шиллер Ф. Собр. соч. Т. 6. С. 323—324).

⁴² Эти мысли Достоевский высказывал еще раньше (см. Латшин И. Эстетика Достоевского. С. 34).

⁴³ «Письма », XXIII, 2 (Шиллер Ф. Собр. соч. Т. 6. С. 327).

противоположности и разом созерцать обе бездны, бездну над нами, бездну высших идеалов, и бездну под нами, бездну самого низшего и зловонного падения» (15, 129), «Карамазов может созерцать две бездны, и обе разом!» (15, 147), «Именно им нужна эта неестественная смесь постоянно и непрерывно. Две бездны, две бездны, господа, в один и тот же момент — без того мы несчастны и неудовлетворены, существование наше неполно Мы широки, широки, как вся наша матушка Россия, мы все вместим и со всем уживемся!» (15, 129). Именно поэтому Дмитрий чувствует, что красота для него является скорее опасностью, чем поддержкой. «Потому что если уж полечу в бездну, то так-таки прямо, головой вниз и вверх пятами, и даже доволен, что именно в унижительном таком положении падаю и считаю это для себя красотой. И вот в самом-то этом позоре я вдруг начинаю петь гимн» (14, 99). И с другими людьми, полагает Дмитрий, дело обстоит не иначе. «Перенести я притом не могу, что иной, высший даже сердцем человек и с умом высоким, начинает с идеала Мадонны и кончает идеалом содомским Еще страшнее, кто уже с идеалом содомским в душе не отрицает и идеала Мадонны, и горит от него сердце его и воистину, воистину горит, как и в юные, беспорочные годы Нет, широк человек, слишком даже широк, я бы сузил» (14, 100).⁴⁴ Единственная реальная поддержка, которая может быть исходным пунктом для истинно «высшего» человека, для того, кто сам себя как высшего не ощущает и не рассматривает, но таковым является, — это религия. Только религиозное сознание, не снимающее возможности *увидеть* обе бездны, не отрицающее восприимчивость к прекрасному, придает человеку твердости и силы, защищающей его от впадения в позор и срам и одновременно от разрыва с действительностью, с конкретным, с землей.⁴⁵ Но здесь Достоевский уже не может исходить из Шиллера, здесь начинается другая и более высокая идейная сфера, укорененная для Достоевского в своеобразии русского православного религиозного сознания. На этом и завершается наш анализ.

6

При изображении чувственно-эмоционального типа — Дмитрия и близкого ему Федора Павловича — Достоевскому не было необходимости вспоминать о Шиллере, ибо много чисто русского и само-

⁴⁴ И как Дмитрий не стал лучше, благодаря своему уважению к Шиллеру (14, 99), так и сам Шиллер отчетливо видел опасности эстетического сознания (ср про «размягчающую силу» красоты «Письма », X (*Шиллер Ф Собр соч Т 6 С 282*))

⁴⁵ В этом состоит суть мысли, которую повторяют Иван, Дмитрий, Смердяков нравственность невозможна без веры в Бога — см 14, 65, 123, 15, 32, 60—61, 67 и т д

му Достоевскому родственного заложено в широте карамазовских натур, в их неудержимости и их неистовстве. Совсем иначе обстоит дело с Иваном. В теоретизирующем идеологе, конечно, должна была отразиться пережитая самим Достоевским идейная борьба, та идейная борьба, в которой мысли Шиллера играли не последнюю роль. И действительно, в двух пунктах мы находим созвучие с мыслями Шиллера в проблеме теодицеи и в проблеме «неосуждения».

Вся замечательная беседа Ивана с Алешей посвящена проблеме теодицеи, проблеме, которая, быть может, стала чуждой и недоступной для XIX и XX веков, но была столь важна и характерна для XVIII века и которая особенно сильно мучила Шиллера, сыграв центральную роль в формировании его мировоззрения.⁴⁶ Иван, который вовсе не выражает мыслей самого Достоевского периода создания романа, в своих беседах с Алешей развивает основную идею шиллеровской (или лучше «канто-шиллеровской») теодицеи.⁴⁷ «Для чего эта ахинея так нужна и создана! Без нее, говорят, и пробыть бы не мог бы человек на земле, ибо не познал бы добра и зла. Для чего познавать это чертовое добро и зло, когда это столького стоит? Да ведь весь мир познания не стоит тогда этих слезок ребенка к „боженьке“» (14, 220—221), «На нелепостях мир стоит < > Я ничего не понимаю, < > я и не хочу теперь ничего понимать» (14, 221—222). И легенда о Великом инквизиторе должна послужить тому, чтобы вскрыть единственно возможный смысл этой «ахинеи», бессмысленности существования, абсурдности страданий невинных и праведных. Человек стоит перед выбором, он должен решиться на одно из двух: либо «свобода», либо «хлебы», либо «огонь с небеси», либо «хлеб земной» (14, 230—231). Другими словами, человек должен мириться со злом, если *хочет быть свободным*. Ибо зло неизбежно там, где существует свобода *обезбоженного* бытия, где же не существует никакой свободы, там нет и никакого греха, никакого зла.⁴⁸ Человек должен оплатить свободу как *высшее* благо ценой страдания и греха, он должен отказаться от мысли о счастье. Свободу выбирают, понимая, что вместе с ней выбирают и возможность зла и «ахинеи» в мире. Этим выбором оправдывается божественный порядок нашего мира, порядок, в котором зло и грех искупаются и вознаграждаются обладанием свободой. Основной парадокс легенды о Великом инквизиторе коренится в том, что Великий инквизитор не считает свободу *наивысшим* благом и не верит, что люди ценят и могут ценить свободу выше, чем счастье.

⁴⁶ О проблеме теодицеи у Шиллера см. *Wolff K. Schillers Theodizee*. Leipzig, 1909; *Kietel J. Das Problem der Theodizee in der Philosophie und Literatur des XVIII Jahrhunderts*. В 1909, и книга *O. Lempp's* под тем же самым заголовком. Leipzig, 1910.

⁴⁷ Об этом см. более подробно в вышеприведенной работе С. Гессена.

⁴⁸ Зосима неоднократно подчеркивает безгрешность природы — 14: 263, 267—268, 294.

Напротив, Великий инквизитор полагает, что люди «принесут свою свободу к ногам нашим⁴⁹ и скажут нам „Лучше поработите нас, но накормите нас!“» (14, 231), потому что люди никогда не могут быть свободными, ибо «ничего нет бесспорнее хлеба» (14, 232) Христос, однако, — «вместо того, чтоб овладеть свободой людей, < > увеличил им ее еще больше» (14, 232)

И если Иван еще как-то сомневается в правильности решения, которое дали Христос и христианство (в вышеизложенном понимании), то для Достоевского вопрос, может ли «слабый человек» «вынести свободу», никоим способом не ослабляет разработанной им теодицеи — теодицеи, которую мы ранее уже находим у Шиллера (предвосхищающего в этом вопросе мысли Канта) и которая была известна Достоевскому по столь любимым им в годы юности речам маркиза Позы

< > Sehen Sie sich um
In dieser herrlichen Natur! Auf Freiheit
Ist sie gegründet — und wie reich ist sie
Durch Freiheit! < > Er, der große Schöpfer
< > Ei < > der Freiheit
Entzuckende Erscheinung nicht zu storen < >
Er laßt des Übels grauenvolles Heer
In seinem Weltall lieber toben < > Ihn,
Den Künstler wird man nicht gewahr
[О, оглянитесь
На эту чудесную природу! На свободе
Она созиждена — и как богата
Она свободой! Он, великий Зодчий,
< > Он < > из нежеланья повредить
Свободы усладительным явлениям, —
Он дозволяет лучше бушевать
Всем легионам страшных зол
В своей Вселенной — в ней Его,
Художника, и не заметишь]⁵⁰

Тот же смысл имеют и стихи Шиллера, цитируемые Иваном в начале его беседы с Алешей

Du mußt glauben, du mußt wagen,
Denn die Gotter leih'n kein Pfand!
[Верь тому, что сердце скажет,
Нет залогов от небес (14, 225)]

⁴⁹ Так уже и в «Хозяйке» «Дай ему волюшку, стабому человеку, — сам ее свяжет, назад принесет» (1, 317)

⁵⁰ «Don Carlos», III, 10, Werke, III, 149 [Драматические сочинения Шиллера Т III С 341—342] Перевод на русский язык М М Достоевского появился у Гербега, еще раньше в «Библиотеке для чтения» (1848)

Человек предоставлен богами (в русском переводе «небесами») своей собственной свободе — своему собственному выбору, решению, мужеству (собственному «сердцу»), как это передано Жуковским в русском переводе) — его судьба не обеспечена и не гарантирована сверху — «нет залогов от небес». В этом заключается смысл человеческой свободы.

Достоевский, конечно, вряд ли знал, что понимание христианства и у Шиллера было построено на идее свободы⁵¹ и что Шиллеру тоже была близка мысль о ненужности «слабому человеку» мнимо-идеального общественного порядка Великого инквизитора верующее сознание в Боге находит достаточную опору, чтобы суметь вынести всю тяжесть предоставленной ему свободы. Достоевский был также вполне согласен с отрицательной характеристикой, данной Шиллером такому общественному порядку словами маркиза Позы о государстве Филиппа:

Ihre Schopfung
Wie eng und arm!
[Как бедно, тесно дело ваших рук!]⁵²

Сам же Филипп, как и Великий инквизитор Достоевского, думал, что знает людей и их неспособность жить свободными. И за Филиппом тоже ведь стоит великий инквизитор — зловещая фигура, нарисованная Шиллером в сходных Великому инквизитору Ивана тонах. Только у Шиллера постановка проблемы индивидуальна, и только сам Филипп ставится перед дилеммой: либо свобода и грех (на этот путь, по мнению великого инквизитора, Филипп вступил), или же инквизиция берет грех на себя, но за это Филипп должен отречься от всякой личной свободы — такова постановка вопроса, смысл которой тот же самый, что и в «легенде» Достоевского

Не следует, однако, забывать, что у Шиллера тема свободы и теодицеи еще раз выступает в тесной связи, а именно в «Духовидце». Здесь внешние рамки действия составляют стремление инквизиции завлечь принца — героя новеллы — в свои сети с помощью чудес, тайны, а потом — материальной необходимости⁵³

Конечно, в «Духовидце» и в «Дон Карлосе» есть лишь зачатки тех идей, которые Достоевский воплотил в фигурах и образах с чрезвычайной живостью, пластичностью и глубиной

⁵¹ Письмо Шиллера к Гете от 17 августа 1795 г. Разумеется, Достоевский называл Шиллера «христианским поэтом» (Письмо брату от 1 января 1840 г. 28, 70)

⁵² «Don Carlos», III, 10, Weike, III, 250 [Драматические сочинения Шиллера Т III С 341]

⁵³ Драматические сочинения Шиллера Т VIII С 82–115, 213–220

Мы уже упоминали, что проблема «неосуждения» занимала и Шиллера Конечно, постановка проблемы у Шиллера была несколько иной, чем у Достоевского Но проблематика «неосуждения» приводит Шиллера к одному мотиву, использованному и в «Братьях Карамазовых»

Карл Моор считал себя высшим человеком «Du trittst hier gleichsam aus dem Kreise der Menschheit — entweder musst du ein hoherer Mensch sein oder du bist ein Teufel» [«Ты выйдешь здесь из круга человечества ты должен стать или вполне человеком, или дьяволом»],⁵⁴ — говорит он Косинскому, принимая его в шайку разбойников С этой своей — мнимой — высоты (потому что сам он, конечно, считает себя «высшим человеком», а не «дьяволом») Моор судит о человечестве и осуждает его — не только отдельных людей, но и весь «мир морали» Но среди *этих* людей и в *этом* мире он должен жить и действовать Причем не в лучшей части этого мира, а среди людей, которых сам он может охарактеризовать только как «дьяволов» В длинном ряду сцен мы видим у Карла Моора жуткий процесс роста сознания, что вся его жизнь и вся его деятельность слишком тесно, слишком внутренне связаны с судьбой и жизнью его шайки — шайки, которая как раз и состоит из «дьяволов» В пробуждении этого сознания заключается причина гибели Карла Моора «Ich wahnete die Welt durch Greuel zu verschonern und die Gesetze durch Gesetzlosigkeit aufrecht zu erhalten! Ich nannte es Rache und Recht — Ich mate mir an, o Vorsicht, die Scharfen deines Schwerts auszuwetzen und deine Parteilichkeiten gut zu machen — aber — o eitle Kinderei — da steh' ich am Rande eines entsetzlichen Lebens und erfahre nun mit Zahneklappern und Heulen, da zwei Menschen wie ich den ganzen Bau der sittlichen Welt zugrunde richten wurden () Du bedarfst nicht des Menschen Hand» [«О, я глупец, мечтавший исправить свет злодеяниями, и законы поддержать беззаконием! Я называл это местию и правом, я дерзал, о, Провидение! стачивать зазубрины меча твоего и поправлять твое пристрастие — и вот, — о, ветренное ребячество! — я стою теперь на краю ужасной жизни и с воем и с скрежетом зубов, узнаю, что два таких человека, как я, могли бы уничтожить все здание нравственного мира! () Не нужна тебе рука человека»]⁵⁵

⁵⁴ «Die Rauber», III, 2, Werke, II, 100 [Драматические сочинения Шиллера Т III С 100—101]

В современном переводе Н Ман эта цитата звучит иначе «Здесь ты выходишь из круга людского и должен стать либо существом высшего порядка, либо дьяволом» (*Шиллер Ф* Собр соч Т I С 445) (примеч публикатора)

⁵⁵ Ebenda, V, 2, Werke, II, 157 [Драматические сочинения Шиллера Т III С 170]

Однако к пониманию этого Моор приходит не прямо, — нравственное чувство пробуждается главным образом тем, что происходит вокруг него и по его распоряжениям, что вызывает в нем самом отвращение и омерзение — насилие, убийства «Детоубийство! Женоубийство!»⁵⁶ — разбой и зверства. Его разбойники — не «Мооры», они — «низкие мошенники, жалкие орудия моих великих планов; вы презрительны, как петля в руке палача!»;⁵⁷ себя самого Моор оценивает по-иному: «я не вор (<..>) мое ремесло — возмездие, месть — мой промысел».⁵⁸ Шиллер постоянно обращает внимание читателя на различие между планами и намерениями Моора — предводителя разбойников и гнусными преступлениями шайки. И несмотря на эту дистанцию, неизбежно пробуждается сознание его вины за все грехи, за все, что совершено его «орудиями». Вместо «гордости» (так удивившей в «злодее» пришедшего на переговоры с разбойниками священника) возникает сознание его вины и прежде всего его *вины за других*, за тех, кого он увлек за собой, кого совратил и соблазнил.

И не случайно на всех этапах пути Карла Моора рядом с ним оказывается такой отличный от него «самосознательный злодей» Шпигельберг. Стремление к «возмездию» ему чуждо, но он был первым, кто высказал мысль создать шайку, он чувствует себя художником грабежа, и Моор с его моралью кажется ему просто чудачком, которого он охотно заменил бы собой на посту предводителя шайки, не только из честолюбия, но и, так сказать, по чисто объективным причинам, ради пользы разбойного ремесла. Шпигельбергу не удалось уничтожить Моора, — его самого убивает преданный Моору Швейцер.⁵⁹ И Моор видит в смерти Шпигельберга «непостижимый перст мстительной Немизиды! (<...>) Не он ли первый пропел мне в уши песнь Сирены? (<...>) Понимаю тебя. — Правитель небесный — понимаю!.. листья падают с деревьев — моя осень настала».⁶⁰ Таким образом, в *сознании Моора*, Шпигельберг как-то особенно тесно связан с ним, становится его «двойником». Как злая карикатура на Моора он невозможен без оригинала. Но также и оригинал, благородный Карл Моор, является связанным в своей судьбе, во всей своей жизни со своим отвратительным спутником. И гибель Шпигельберга непосредственно предшествует гибели самого Моора.

⁵⁶ Ebenda, II, 3 [Драматические сочинения Шиллера Т III С 75]

⁵⁷ Ebenda, II, 3 [Драматические сочинения Шиллера Т III С 85]

⁵⁸ Ebenda, II, 3 [Драматические сочинения Шиллера Т III С 83—84]

⁵⁹ Ebenda, I, 2, II, 3, IV, 5 [Драматические сочинения Шиллера Т III С 24 34, 60—77, 128—131]

⁶⁰ Ebenda, IV, 5, Werke, II, 125 [Драматические сочинения Шиллера Т III С 131]

Как Шпигельберг с Карлом Моором, так и мавр связан с Фиеско. Он также появляется в тот момент, когда у Фиеско вызревают планы переворота, неудача мавра с ударом кинжалом укрепляет Фиеско в вере, что он по «знамению свыше» «спасен для великого дела»; мавр также наводит Фиеско на мысль о способе совершения переворота. Фиеско начинает чувствовать, что «воры», «мятежники» и «отравители» тоже могут помочь ему — и мавр охотно принимает предложение Фиеско о сотрудничестве с ним «По рукам, Лаванья! (...) Употребляйте меня по своему усмотрению. Я буду вашей борзой, гончей, лисой, змеей, вашим сводником и палачом одним словом — возлагайте на меня всевозможные поручения, но, ради Бога, только не честные (< >)». ⁶¹ И Фиеско с этим согласен. — «Да ты — закаленный грешник. Мне такого и надо Дай руку. Ты остаешься при мне. (...) Ступай, созови всю свою шайку в подмогу». ⁶² Вскоре Фиеско заметит, насколько ложным вследствие этого стало его положение — известия о надеждах на него народа, хвалу в свой адрес он вынужден будет выслушивать от «мошенника», который будет к тому же еще и дерзок и будет обращаться с Фиеско почти как с закадычным другом. ⁶³ Весь заговор все теснее связывается с мавром. «Я вполне полагаюсь на твою смелость», — говорит Фиеско, на что мавр отвечает. «Как на мою злость, граф» Мавр рассчитывает стать одним из близких помощников Фиеско. «Знаете, Фиеско, мы с вами так перевернем Геную (< .. >», и он искренне возмущен, когда замечает, что его хотят отстранить от пользования плодами победы. «< (...) Я заварил всю эту кашу, а мне не дают и ложки». Участие мавра в восстании выражается поэтому в вероломных поджогах. ⁶⁴ Фиеско приказывает его повесить. Мавра, столь тесно связавшего свою судьбу с Фиеско, еще возможно уничтожить физически. Но для строгого республиканца Веррины Фиеско стал слишком похожим на мавра, может быть, он даже еще и хуже мавра.

F i e s k o Die Kanaille zundete Genua an
V e r r i n a Aber doch die Gesetze ließ die Kanaille noch ganz?
[Ф и е с к о Этот бездельник поджигал Геную
В е р р и н а Но ведь этот бездельник не трогал законов?]⁶⁵

⁶¹ «Fiesko» I, 9, Werke, II, 193—194 [Драматические сочинения Шиллера Т V С 30 Перевод Н В Гербея]

⁶² Ebenda, I, 9, Werke, II, 193—194 [Драматические сочинения Шиллера Т V С 30—31]

⁶³ Ebenda, II, 4 [Драматические сочинения Шиллера Т V С 48—51]

⁶⁴ Ebenda, II, 9, 15, III, 4, 6—7, IV, 9, V, 7 и 10 [Драматические сочинения Шиллера Т V С 71, 91, 98—100, 120—121, 145, 148—149]

⁶⁵ Ebenda, V, 16, Werke, II, 294 [Драматические сочинения Шиллера Т V С 160]

Так выражается внутренняя связь и родство обоих. Потому что уничтожение города огнем и попрание «закона» обуславливаются тем, что оба — Фиеско и мавр — действуют из личного интереса, мавр вполне, Фиеско в основном. И казнь мавра станет для Фиеско предвестием его собственной близкой смерти от руки Веррины

Таким образом, мы видим в «Разбойниках» и в «Заговоре Фиеско» одинаковый мотив «двойничества». В живом индивидууме воплощены этически-отрицательные качества главного героя драмы. Судьбы героя и его «двойника» развиваются каждый раз в совершенно разных плоскостях, и все-таки между ними существует какая-то внутренняя «смысловая взаимосвязь», объединяющая их не только в жизни, но и в гибели. И в этом объединении подчеркивается общая нравственная слабость обоих.⁶⁶

Разумеется, для Достоевского, все творчество которого было восторженной и восхищенной борьбой за упрочение *индивидуального, личного существования* человека, тема двойничества была ужасно привлекательной и значительной. Он пишет повесть «Двойник», в «Бесах» затрагивает родственную тему «самозванства» и, наконец, в «Братьях Карамазовых» он использует эту тему для изображения своей основной этической мысли⁶⁷

Иван Карамазов — представитель интеллектуализма в этике⁶⁸ Не только его духовная одаренность, его теоретические интересы и присутствующая ему «гордость рассудка» отличают его. И этические воззрения Ивана являются интеллектуалистскими. Для него сознание вины «за всех и за вся», которое является выражением любви к «ближнему», просто недоступно. Но для Достоевского такое сознание вины есть необходимая основа нравственности вообще Иван же понимает

⁶⁶ В книге В. Переверзева «Творчество Достоевского» (Москва, 1922) слово «двойник» обозначает расколотость в самом себе природного порядка. С. Гессен (Трагедия добра) определяет этим словом *возможность* нравственной гибели каждого человека, существующую в любой момент его жизни. Как первое, так и второе употребление этого слова мы умышленно полностью отвергаем, соответственно как с точки зрения Достоевского, так и согласно мнению других, кто писал о проблеме двойников. Двойник — это живой, реальный индивидуум, который на почве духовного бытия оспаривает право на онтологически полагающуюся ему область у другого индивидуума, двойником которого он является. О проблеме двойников скоро появится моя работа (сборник «О Достоевском» / Изд. А. Бема, Прага, 1929, Т. 1). Здесь я хотел бы указать только на то, что книга Rank O Der Doppelgangei (Wien, 1925) является в целом недостаточной.

⁶⁷ Впрочем, проблема двойников была поднята не только Шиллером. По сравнению с Достоевским должны бы быть названы Жан Поль («Hesperus», «Siebenkas») и особенно любимый Достоевским Е. Т. А. Гофман («Братья Карамазовы») в духовном плане родственны его «Эликсиру дьявола».

⁶⁸ Здесь мы ограничимся только общим анализом.

вместо «любви к ближнему» (14, 215),⁶⁹ скорее, «любовь к дальнему» или любовь к «человеку вообще», к абстрактному понятию человека. И если основная аксиома нравственного сознания — «каждый виновен за всех и за вся» — для Алеши доступна в силу его живой любви к конкретным «ближним», если Дмитрий приходит к познанию той же аксиомы путем собственных и чужих *страданий* («дите»), то для интеллектуалиста и «просветителя» Ивана единственно возможный путь к этическому возрождению — путь, по которому Достоевский в написанных им частях романа прошел не до конца, — это путь через *помрачение разума*, через раздвоение личности.

Иван не может чувствовать себя виновным за всех, но он по крайней мере чувствует себя виновным за одного — за Смердякова. И именно потому, что Смердяков является его двойником⁷⁰

Параллель Смердяков—Иван проведена в романе с чрезвычайной последовательностью и настойчивостью. Мы то встречаем обоих вместе, то в *соседних* главах романа. Характеристика Смердякова строится на следующих мотивах: просветительское («критическое») мудрствование, высокомерие и презрение ко всем («брезгливость») и, наконец, совершенное самодовольство («самодовление»), отсутствие потребности в каком-либо обществе.⁷¹ Но это — основные качества Ивана, только у Смердякова они выступают в безвкусовой и «пошлой» форме. И как ни велика дистанция между мощным интеллектом Ивана и «мелким рассудком» Смердякова и прежде всего между живыми личностями обоих, мы все же слышим от них выражение некоторых общих мыслей: от Смердякова оправдание смертного греха, от Ивана — «все позволено» (14, 117),⁷² а при втором появлении Смердякова его суждения о Европе, которым каким-то образом соответствуют слова Ивана, следующие через несколько страниц.⁷³ И даже осознанию Ивана, что его рассудок имеет границы, что он является «эвклидовым», соответствует признание Смердякова, что, вероятно, существуют «два пустынных», отношение которых к Богу не подчинено законам смердяковского духовного бытия (скорее, «небытия»). Свое сходство со Смердяковым в *этом* пункте отмечает и признает сразу сам Иван.⁷⁴ И Смердяков, который чувствует духовную силу Ивана, не остается безразличным по отношению к нему,

⁶⁹ Также 14, 52—53, 80, ср. «Дневник писателя» за 1873 год. Примечательно, что Иван предвосхищает мысли и даже выражения Ницше.

⁷⁰ Вероятно, Иван должен был проделать путь (в ненаписанных Достоевским частях романа) от сознания своей вины перед одним к осознанию своей вины перед всеми.

⁷¹ 14, 114—115, и дальше, 14, 117, также 14, 204—205, и последующие «Высокомерие» Ивана — например, 14, 123, там же 14, 125, 159.

⁷² И последующие 14, 64—65, 123.

⁷³ 14, 205, 210.

⁷⁴ 14, 214—215, 120, 123.

он «начинает почитать его» («зауважал»). Это видит и Федор Павлович: «Иван! (...) Это он для тебя все это устроил, хочет, чтобы ты его похвалил (...)» (14, 118); «...это ты ему столь любопытен, чем ты его так заласкал?» (14, 122). И от самого Ивана не укрылось это уважение: «...уважать меня вздумал» (14, 122); в этом признается и сам Смердяков Марье Кондратьевне, которая напомнит ему об этом позже: «Вы Ивана Федоровича, говорили сами, так уважаете» (14, 205). И прокурор отметит впечатление, которое произвел Иван на Смердякова (15, 126—127).⁷⁵

Но Иван и Смердяков связаны между собой и глубже, чем просто определенным подобием. Самым таинственным образом они онтологически, по существу являются частями друг друга. Эта их онтологическая взаимосвязь выражается во всех их отношениях. Вопреки нежеланию Ивана они сводятся вместе для разговора возле ворот. Иван все время управляется какой-то ему, по-видимому, чужой и внешней силой. Он увидел Смердякова, сидящего у ворот, и — «остановился, и то, что он так вдруг остановился и не прошел мимо, как желал того еще минуту назад, озлило его до сотрясения» (14, 243), — и дальше он говорит «себе самому неожиданно» «совсем другое», чем хотел сказать, а затем «вдруг, тоже совсем неожиданно» (14, 244) садится на скамейку рядом со Смердяковым и, выслушав все, что хотел сказать ему Смердяков, заявляет ему, что завтра уезжает в Москву — что только и хотел услышать Смердяков — «раздельно и громко» и, «сам себе потом удивляясь, каким образом понадобилось ему тогда это сказать Смердякову» (14, 249). Иван уходит — «двигался и шел он точно судорогой» (14, 250), но и на следующий день, при отъезде, он снова, не желая того, сообщает это Смердякову: «опять, как и вчера, так само собою слетело, да еще с каким-то нервным смешком. Долго он это вспоминал потом» (14, 254). Так онтологическая связь Ивана со Смердяковым выражается в психопатологической сфере.

Но все подробности этой беседы осознаются самим Иваном лишь позже, только после трех его посещений Смердякова перед судебным процессом. Только тогда он поймет, что если он и не имеет никакого эмпирического отношения к убийству своего отца, даже если Смердяков и ошибался, рассчитывая на заинтересованность Ивана в смерти отца, то он все же разделяет вину в убийстве, будучи

⁷⁵ 15, 137, а также 14, 242 Не совсем понятно, относится ли одно место в рукописных редакциях Достоевского к этой теме, — высказывание, которое могло бы характеризовать различие между Иваном и Смердяковым «l'âme d'un conspirateur и l'âme d'un laquais (душа заговорщика и душа лакея)» (15, 205), Алеша должен был сказать о Смердякове перед лицом суда следующее «Чрезмерное самомнение Уверенность, что он мог бы занимать несравненно высшую роль Ненависть к России Никаких корней в родной земле» (15, 361)

«виновен» в каком-то особом значении этого слова, виновен за другого, за Смердякова и потому виновен, что «в душе его сидел лакей Смердяков» (14, 242). Ивану стыдно за Смердякова, так как осознает свое сходство и свое родство с ним и чувствует себя ответственным за него, поскольку становится ясным созвучие их душ — созвучие, о котором свидетельствует все развитие их отношений.

Как Карл Моор и Фиеско, Иван тоже ставит себя выше других людей,⁷⁶ презирает их, предпочитает «абстрактного человека», «дальнего», конкретному, живому «ближнему» — и вот наказание — он (как и К. Моор, Фиеско) *един во зле* с наихудшим, наипрезреннейшим из всех людей. И это самое презренное существо (Шпигельберг, мавр, Смердяков) посягает на «существование» «высшего человека», врывается в сферу его индивидуального существования. Для Достоевского с его пафосом индивидуальности потеря самостоятельности индивидуального существования является самым тяжелым, что может случиться с человеком. Но смерть Смердякова еще далеко не означает гибели Ивана (в то время как для Моора и Фиеско гибель их двойников стала их гибелью). Через стыд⁷⁷ и через душевную болезнь Иван подымается к *новому* нравственному сознанию. В написанных Достоевским частях романа мы знакомимся только с началом этого пути. Существенно, что болезнь Ивана, его «кошмар», снова обозначается появлением двойника, «черта», в котором Иван видит «воплощение меня самого, только одной, впрочем, моей стороны (...) моих мыслей и чувств, только самых гадких и глупых» (15, 72); «Ты — я, сам я, только с другою рожей», «только все скверные мои мысли берешь, а главное — глупые. Ты глуп и пошл» (15, 73); «Все, что ни есть глупого в природе моей, давно уже пережитого, перемолотого в уме моем, отброшенного, как падаль, — ты мне же подносишь как какую-то новость» (15, 82); «Нет, я никогда не был таким лакеем! Почему же душа моя могла породить такого лакея, как ты?» (15, 83) — «это(...) я сам. Все мое низкое, все мое подлое и презренное!» (15, 87). Смердяков умер. Но стыд за него и сознание вины за другого остались в душе Ивана. Там, где для Шиллера — конец, гибель, там для Достоевского — начало возрождения, начало «нового романа», который, к сожалению, не был написан.

Мы можем догадываться, что единственным выходом, который, по мнению Достоевского, оставался для Ивана открытым, был путь смирения («смирись, гордый человек!») и веры. Потому что только

⁷⁶ Ср его отношение к Федору Павловичу или к Дмитрию — Иван, безусловно, верит, что Дмитрий убил отца — 15, 35, 39, 47

⁷⁷ О стыде как о единственном ключе к этическому сознанию рационалиста Ивана см 14, 249, 15, 24, 14, 241—242, 15, 54 Здесь снова позиция Ивана очень схожа с позицией Ницше

вера в состоянии сообщать человеку такую силу, которая может ему помочь вынести свободу и сознание вины «за всех и вся»⁷⁸

⁷⁸ Я не могу осветить здесь все значение проблемы двойников в мировоззрении и творчестве Достоевского. Как уже было сказано, другая моя работа посвящена этой проблеме.

Здесь мы снова отмечаем, что у Достоевского и Шиллера был еще один со-вместный мотив. Это встреча двух «соперниц», в «Братьях Карамазовых» это Катерина Ивановна и Грушенька, у Шиллера — две героини в «Коварстве и любви» (Луиза и леди Милфорд, IV, 7) и в «Марии Стюарт» (Елизавета и Мария III, 4). Все же мы не хотим останавливаться на анализе этих мест, они имеют большое сходство и в деталях.

Комарович (Die Urgestalt С 20, 34, 36, 127) указывает несколько мест в набросках Достоевского к его «Братьям Карамазовым», в которых заметно влияние идей Федорова. Во всех этих местах говорится об общем «братании»: «Все же человек с его детьми, потомками, предками и со всем человечеством является единым связным организмом», «Мечта о том, что все братья» (15, 243). Эта общая взаимосвязь выходит также за границы человечества — «жизнь есть рай» (15, 245—246), «Все соприкасается» (15, 243), «Кругом человека тайна Божия, тайна великая порядка и гармонии» (15, 246), «Заметили же целое в тяготении планет, () как же не быть целому и во всем остальном () И не к одним планетам тяготеет мы» (15, 249), «Из частного организма в общий организм» (15, 243). Однако эти мысли получили настолько широкое распространение, что едва ли можно найти их источник только у Федорова (Комарович не приводит при этом для подтверждения никаких конкретных цитат из произведений Федорова. Очевидно, что сходство во внешнем выражении еще ни о чем не говорит). Однако именно у Шиллера мы находим классическое выражение такого «органического» мировоззрения — особенно разработана «Теософия» в его «Философских письмах», но также и в других стихотворениях. Род человеческий — «это тело, в котором» жизнь отдельного человека «плавает как капля крови» (Schilleis Samtliche Werke Bd 11 S 126). «Люди — братья меж собой» («К радости»), «Мать-природа все живое // соком радости поит» (там же). Гармония — является основной идеей шиллеровской натурфилософии этого раннего периода его творчества (Ibid S 118). И сравнение силы любви, которая связывает *людей*, с силой притяжения *планет* принадлежит к любимым натурфилософским образам Шиллера «Притяжение элементов» вместе с «духовным притяжением» определяется как любовь (Ibid S 122).

() как назвать ту силу,
Что сближает и роднит тела, —
Как назвать, когда в волшебном вихре
Две души в одну она слила?

Посмотри планеты мчатся в безднах, —
Что велит им вечный круг свершать?⁷
Что влечет их в пляску круговую,
Как детей, приветствующих мать?

В золотых потоках света греясь,
Их лучистый хоровод
Черплет жизнь из огненной амфоры, —
Так из мозга тело жизнь берет

ем о продолжительных философских беседах Достоевского с гегельянцем Страховым и позднее с молодым Вл Соловьевым, мы знаем что в течение какого-то времени Достоевский питал особый интерес к идеям Федорова, мы знаем также кое-что о философских книгах, которые произвели *определенное впечатление* на Достоевского (например, гегельянские «Письма об изучении природы» Герцена которые Достоевский *очень высоко* ценил, и «Самостоятельное начало душевных явлений» Г Струве)

Но в произведениях Достоевского мы вряд ли найдем *непосредственные указания* на основные идеи всего XIX века, которые были бы ему определенно доступны в виде философской теории (ведь все эти «основные идеи» выросли из «идеалистической» философии начала XIX века) Гораздо убедительнее зывали к сердцу и уму Достоевского художественные переработки тех же идей в произведениях великих писателей — и прежде всего Шиллера и Е Т А Гофмана Именно поэтому исследование отношении Достоевского к Шиллеру и Е Т А Гофману имеет особое значение для истории русской литературы и мысли Выявляя у Достоевского отзвуки философски обусловленных образов и фигур немецкой литературы, мы выясняем исходные моменты его мышления Конечно, в период своего позднего творчества Достоевский был бесконечно далек от обоих упомянутых писателей — а, может быть, и от всей европейской философской культуры Но как раз выявление *исходных моментов* его мышления разъясняет нам *направление его развития* и помогает понять *своеобразие* его богатого содержанием и философски значительного мышления

Библиография работ Д. И. Чижевского о Достоевском* (1929—1977)

Статьи

1 Schiller und die «Brüder Karamazov» // Zeitschrift für slavische Philologie Leipzig, 1929 Bd 6 S 1—42

2 К проблеме двойника (Из книги о формализме в этике) // О Достоевском Сборник статей I / Под ред А Л Бема Прага, 1929 С 9—38

3 Goljadkin—Stavrogin bei Dostojevskij // Zeitschrift für slavische Philologie Leipzig, 1930 Bd 7 S 358—362

4 Zum Doppelgängerproblem bei Dostojevskij Versuch einer philosophischen Interpretation // Dostojevskij-Studien / Gesam , hrsg D Čyževskij Reichenberg, 1931 S 19—50

* Составители А В Тоичкина Р В Мних

5 Folkloristisches zu Dostojewskij // Dostojewskij-Studien Gesam ,
hrg D Čyževskij Reichenbeig, 1931 S 113—116

6 Масарик и Достоевский // Центральная Европа Ежемесячник
№ 2 Прага, 1931 С 87—92

7 Dostojewski i zapadno-evropska filozofija // Нова Европа Zagreb,
1931 N 4 S 232—238

8 Fedoi Dostojewskij Auseinandersetzung mit der Aufklärung Aus
dem Russischen übersetzt von Alexander Kresling, mit einer Einleitung
von D Tschizewskij // Orient und Occident Blatter für Theologie und
Soziologie 1931 Hf 7 S 1—10

9 Dostojewskij — psycholog // Dostojewskij Sbornik statí k padesa-
temu výročí jeho smrti 1881—1931 Praha, 1931 N 5 S 25—41 (перевод
на чешский язык Анны Тесковой)

10 Literarische Lesefruchte¹ I (5) Zu Genealogie Dostojewskijs //
Zeitschrift für slavische Philologie Leipzig, 1931 Bd 8 S 54

11 Literarische Lesefruchte II (9) Ein Goethe-Zitat bei Dostojewskij //
Zeitschrift für slavische Philologie Leipzig, 1933 Bd 10 S 387—388

12 Literarische Lesefruchte II (10) Der Teufel Ivan Karamazovs und
N N Stachov // Zeitschrift für slavische Philologie Leipzig, 1933 Bd
10 S 388—390

13 Literarische Lesefruchte II (11) Die Philosophie Ivan Karamazovs
und Stachov // Zeitschrift für slavische Philologie Leipzig, 1933 Bd 10
S 390—396

14 Literarische Lesefruchte II (15) Einige Berichtigungen // Zeits-
chrift für slavische Philologie Leipzig, 1933 Bd 10 S 400—401

15 Достоевский — психолог // О Достоевском Сборник статей
II / Под ред А Л Бема Прага, 1933 С 51—72

16 Словарь личных имен у Достоевского / Сост А Л Бемом,
С В Завадским, Р В Плетневым, Д И Чижевским, Под общ ред
А Л Бема Ч I Произведения художественные // О Достоевском
Сборник статей II / Под ред А Л Бема Прага, 1933 С I—VIII
(предисл), 1—89

17 Literarische Lesefruchte III (23) Zu den Parodien Dostojewskijs //
Zeitschrift für slavische Philologie Leipzig, 1934 Bd 11 S 27—30

18 Literarische Lesefruchte III (26) Ergänzungen — Zu mei-
ner Notiz «Folkloristisches zu Dostojewskij» («Dostojewskij-Studien»
Reichenbeig, 1931) // Zeitschrift für slavische Philologie Leipzig, 1934
Bd 11 S 33

¹ «Literarische Lesefruchte» — «Плоды чтения» пронумерованные под-
борки историко литературных материалов которые Д Чижевский публиковал
в «Zeitschrift für slavische Philologie» В данной публикации учтены только те
тексты которые имеют отношение к творчеству Ф Достоевского, нумерация
материалов унифицирована (римская цифра обозначает номер публикации,
арабская в скобках — номер конкретного материала)

- 19 Literarische Lesefruchte IV (37) Dostojewskij und Strachov // Zeitschrift für slavische Philologie Leipzig, 1936 Bd 13 S 70—72
- 20 К проблеме бессмертия у Достоевского (Страхов—Достоевский—Ницше) // Жизнь и смерть Сборник памяти д-ра Николая Евграфовича Осипова / Под ред А Л Бема, Ф Н Досужкова и О Лосского II Статьи памяти Н Е Осипова Прага, 1936 С 26—38
- 21 Literarische Lesefruchte V (46) Zu dem Wörterbuch der Eigennamen aus den Werken Dostojewskijs // Zeitschrift für slavische Philologie Leipzig, 1937 Bd 14 S 347—350
- 22 Literarische Lesefruchte V (47) Zur Legende vom Großinquisitor // Zeitschrift für slavische Philologie Leipzig, 1937 Bd 14 S 350—352
- 23 Literarische Lesefruchte VI (53) Eine Anspielung auf Goethe bei Dostojewskij // Zeitschrift für slavische Philologie Leipzig, 1938 Bd 15 S 117
- 24 Literarische Lesefruchte IX (80) Zu den Quellen der Biographie Dostojewskijs // Zeitschrift für slavische Philologie Leipzig, 1942 Bd 18 S 53—55
- 25 Literarische Lesefruchte X (91) Folkloristisches zu Dostojewskijs // Zeitschrift für slavische Philologie Leipzig, 1942 Bd 18 S 381—382
- 26 Literarische Lesefruchte X (92) Zu den Gedichten Dostojewskijs // Zeitschrift für slavische Philologie Leipzig, 1942 Bd 18 S 383
- 27 Strachov—Dostojewskij—Nietzsche Marburg, 1946 18 S
- 28 Dostojewskij und Nietzsche Die Lehre von der ewigen Wiederkunft Kleine Schriften aus der Sammlung «Deus et anima» 1. Schriftenreihe 1947 Bd 6 16 S
- 29 Literarische Lesefruchte XI (99) Swedenborg, Kvitka-Osnov'-janenko, Dostojewskij // Zeitschrift für slavische Philologie Leipzig, 1947 Bd 19 S 348—371
- 30 Manuscripts of Dostoevsky and Turgenev at Harvard // Harvard Library Bulletin Cambridge (Mass.) 1955 N 9/3 P 410—415
- 31 Шиллер в России // Новый Журнал 1956 Кн 45 С 109—135
- 32 Schiller in Russland // Schiller Reden in Gedenkjahr 1959 Veröffentlichungen der deutschen Schillergesellschaft Stuttgart, 1961 Bd 24 S 346—367
- 33 The Theme of the Double in Dostoevsky // Dostoevsky A Collection of Critical Essays / Ed R Wellek Englewood Cliffs (New Jersey), 1964 P 112—129
- 34 Trubetzkoy und Dostojewskij // Wiener Slavistisches Jahrbuch Graz, Köln, 1964 Bd 11 S 148—153
- 35 Dostojewskij // Dmitrij Tschizewskij, Russische Literaturgeschichte des 19. Jahrhunderts II Der Realismus Forum Slavicum München, 1967 Bd 1 S 72—92
- 36 Dostojewskij und die Aufklärung Tübingen 1975 30 S

1. [Прокофьев П.] В. В. Зеньковский: Русские мыслители и Европа: Критика европейской культуры у русских мыслителей. Paris, 1926. С. 291 // Современные записки. Париж, 1927. № 32. С. 475—481.
2. [Прокофьев П.] Анциферов Н. Н. 1) Душа Петербурга. Гравюры на дереве А. П. Остроумовой-Лебедевой. Пб., 1922. С. 267; 2) Петербург Достоевского. Рисунки М. Добужинского. Пб., 1923. С. 106 // Современные записки. Париж, 1928. № 35. С. 542—547.
3. Бем А. Тайна личности Достоевского (*Bém A. Tajemství osobnosti Dostojevského*). Прага, 1928. С. 140 // Современные записки. Париж, 1930. № 41. С. 527—530.
4. Romein J. M. Dostojevskij in de westersche kritiek. Een hoofdstuk uit de geschiedenis van den literairen roem. Haarlem, 1924. 225 S. // Zeitschrift für slavische Philologie. Leipzig, 1930. Bd. 7. S. 485.
5. Бем А. Tajemství osobnosti Dostojevského. Prag, 1928. 140 S. // Zeitschrift für slavische Philologie. Leipzig, 1930. Bd. 7. S. 270—273.
6. Gorlin M. N. V. Gogol und E. Th. A. Hoffmann [Veröffentl. Slav. Inst. an Univ. Berlin / Hrgs. M. Vasmer. Bd. 9]. Leipzig: Otto Harrassowitz, 1933. 89 S. // Deutsche Literaturzeitung. 1935. Hf. 13. S. 554—557.
7. Kampmann Th. Dostojevskij in Deutschland («Universitas-Archiv». Literaturhistorische Abteilung / Hrgs. Prof. J. Schwerig, Prof. G. Müller. Bd. 50. des Archivs, Bd. 10. der Abteilung). Münster in Westf., 1931. 238 S. // Germanoslavica. Jahrgang I. 1931—1932. Prag, 1932. Hf. 1—4. S. 614—616.
8. Schümer W. Tod und Leben bei Dostojevskij : Ein Beitrag zur Kenntnis des russischen Christentums (auch als «Studien des Brücke-Verlags». Hf. 1). Die Brücke, evangelischer Verlag. Calw. Ohne Jahr [1933]. 96 S. // Zeitschrift für Kirchengeschichte. Dritte Folge IV. Bd. 53. Hf. 3—4. Stuttgart, 1934. S. 691—694.
9. Boehm A. L. (*Bém*). У истоков творчества Достоевского (О Достоевском: Сборник статей / Hrgs. A. L. Boehm. Bd. 3). Prag, 1936. 216 S. // Zeitschrift für slavische Philologie. Bd. 14. Leipzig, 1937. S. 454—458.
10. Böhm A. L. «Faust» in der Schöpfung Dostojevskijs («Фауст» в творчестве Достоевского) // Kyrios: 2 Bd. 1937. Bd. 1. S. 256.
11. Новые книги о Достоевском: Бахтин М. Проблемы поэтики Достоевского. М., 1963; Долинин А. С. Последние романы Достоевского : Как создавались «Подросток» и «Братья Карамазовы». М.; Л., 1963 // Новый журнал. 81. С. 282—286. То же: Бахтин М. М. Pro et contra. СПб., 2001. Т. 1. С. 210—212.
12. O Dostoevském: Sborník statí a materiálů (Über Dostojevskij. Sammlung von Aufsätzen und Materialien). Prag, 1972. 357 S. // Archiv für das Studium der neueren Sprachen und Literaturen. 1975. Bd. 212 (1). S. 239—240.

1. Научные публикации Д. Чижевского, указанные им самим при поступлении в Галльский университет на должность лектора славистики в 1932 году // *Философская и социологическая мысль*. 1990. № 11. С. 52—54.

2. *Gerhard D. Schriftenverzeichnis von D. I. Čyževskij (1912—1954)* // *Festschrift für Dmytro Čiževskij zum 60. Geburtstag*. Berlin, 1954. S. 1—34.

3. *Winkel H.-J. zum. Schriftenverzeichnis von D. I. Tschizewskij (1954—1965)* // *Orbis scriptus: Dmitrij Tschizewskij zum 70 Geburtstag*. München, 1966. S. 35—48.

4. *A Bibliography of the Publication of Dr. Dmitry Čiževsky in Fields of Literature, Language, Philosophy and Culture*. Cambridge (Mass.), 1952.

5. *Белов С. В. Материалы для библиографии русской зарубежной литературы о Достоевском (1920—1992)* // *Русские эмигранты о Достоевском*. СПб., 1994. С. 393—428.

6. *Вчений-енциклопедист Дмитро Іванович Чижевський (1894—1977): До 100-річчя з дня народження: Бібліографічний покажчик / Упорядник О. Чуднов*. Кіровоград, 1994. 20 с.

7. Библиография печатных трудов Д. И. Чижевского (1912 — 1994) // *Чижевский Д. И. Избранное: В 3 т. М., 2007. Т. 1: Материалы к биографии (1894—1977)*. С. 772—807.